

18 АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ
МИРОНОВ

Уссурийская метелица

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

coll.

中蘇人民的友誼萬古長青

Александр Миронов

Уссурийская метелица. Роман

«Издательские решения»

Миронов А. Л.

Уссурийская метелица. Роман / А. Л. Миронов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702100-5

Опубликован в ж-ле «„Пограничник“» — 2003г. №9—10, главы. В ж-ле «Воин России» — 2007г, №5-6-7, полностью. Теперь можно отнести к рубрике «Исторический роман». События происходят в 1967г. За два года до вооружённого конфликта на о. Даманском. В тексте использованы ряд выдержек статей из центральных газет того времени и хронология событий. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-702100-5

© Миронов А. Л.
© Издательские решения

Содержание

УССУРИЙСКАЯ МЕТЕЛИЦА	6
Исторический роман	6
Часть 1. Как хрупок этот лёд	7
Глава 1. Трубка мира. 1	8
Глава 2	30
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Уссурийская метелица

Роман

Александр Леонидович Миронов

© Александр Леонидович Миронов, 2026

ISBN 978-5-0070-2100-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

УССУРИЙСКАЯ МЕТЕЛИЦА

Исторический роман

Часть 1. Как хрупок этот лёд

Глава 1. Трубка мира. 1

К началу февраля на Уссури установилась относительно тёплая погода, около — минус 5°, что радовало всё живое по обе стороны реки, и саму природу. Веселее зазвенели тальниковые кустарники по побережью и на островах. Озорнее стали птицы: игривые фазаны и сороки перелетали с одного берега на другой: с китайского на русский и наоборот. Ожились и подземные роднички, подтачивая лёд в устьях протоков и речушек, впадающих в Уссури.

Начальник заставы «Аргунская» майор Романов дважды уже откладывал выезд на границу и оба раза из-за плохой погоды. Сегодня она выдалась с утра тихой и, по сибирским меркам, тёплой. К тому же синоптики нагадали на предстоящие сутки прогноз сносный, ветер умеренный и всего лишь -10°-15° мороза, и то — ночью. Так что сегодня был самый подходящий день для установки вешек.

Начальник заставы вызвал к себе в кабинет дежурного.

— Слушаю вас, товарищ майор.

В дверях стоял старший сержант Пелевин, самый «старый» тридцатилетний срочник. Среднего роста, белокурый, волнистая чёлочка, которая совсем не по уставу, выбивалась из-под шапки, заломленной на затылок.

Пелевин был в гимнастёрке с красной повязкой дежурного на рукаве, в яловых сапогах, смятых в «гармошку» с чёткими углами, выведенные под горячим утюгом. Майор не был ретроградом, однако, не одобрял, когда солдаты портили казённое имущество, пусть даже и принадлежащее им. Хоть выглядят они на ногах импозанто, но всё же... Он понимал, что старший сержант готовится к демобилизации. «Обкатывает» дембельские сапоги и на дежурстве, и при увольнении в село Аргунское, где живёт и работает в местном магазинчике его жена. Хотя до дембеля ему ещё полгода, Пелевин заранее готовился к этому событию.

Майор с сожалением подумал о том, что жалко будет отпускать с заставы такого парня. Если старшина Магда действительно задумал подать в отставку, надо предложить эту должность Пелевину. Или порекомендовать начальнику отряда, направить его старшиной на какую-нибудь заставу, сверхсрочно.

— Старший сержант, подберите команду из отдыхающих и выходных. Человек пять. Бабенкова предупредите. Урченко, чтоб подготовил топор, пару ломов, бидон с ковшом, и сам пусть собирает. Поедем вешки устанавливать. И вызовите старшину Магду. Он останется за меня. Замполита не тревожьте, пусть отдыхает после дежурства.

— Понял, товарищ майор.

— Выполняйте.

— Есть!

Анатолий из канцелярии вошёл в дежурку, раскрыл журнал по личному составу и, взяв листочек, стал выписывать фамилии солдат. Потом посмотрел на часы: 9.15.

Вопрос с расстановкой вешек был всегда. Ими в зимнее время на реке по фарватеру пограничники обозначали государственную границу. Эти знаки ставились в основном для жителей сел, прилегающих к границе. И до начала шестидесятых годов эти пограничные знаки стояли вплоть до весны, а затем уплывали в буйном весеннем потоке в широкие воды Амура. Но с охлаждением отношений с Китайским руководством, теперь на границе всё чаще стало проявляться буйство со стороны граждан Китая и в основном среди её молодёжи, хунвэйбинов и дзаофани, и эти знаки падали на лёд раньше весеннего половодья.

Левый фланг самый протяжённый, более двадцати двух километров, и наряд проходил его в обе стороны, туда и обратно, то есть все сорок пять. Когда-то на этом фланге находилась застава «Ново-Советская». Но после окончания войны с японцами и установления с Китаем

дружеских отношений её расформировали, создав на этом месте пограничный пикет, с одним офицером и десятка полтора солдат. Потом упразднили и его. И весь фланг отошёл к Аргунской заставе. Но с сокращением заставы и пикета, штат Аргунской заставы вырос ненамного. Поэтому сократились дозоры в этом направлении.

Теперешние китайские молодчики, собираясь группами, из озорства и бравады, а может, и по чьёму-то приказу, безобразничают на границе. И из года в год всё чаще и грубее. И не всегда их хулиганство удаётся пресечь. Как докладывают наряды, эти ребята имеют наглость даже выходить им навстречу, пересекая фарватер, границу. Пограничникам приходится с ними вступать в диалог, который, конечно же, ни та, ни другая сторона не понимала, но отмашки, жестикология иногда помогали выпроводить нарушителей на сопредельную сторону. Не единожды самому начальнику заставы приходилось переживать неприятные минуты при встрече с такими товарищами. Нервы накаляются до предела. Тут работа не для слабонервных и не для беспечных. Поэтому майор вынужден был замполита придерживать пока лишь оперативным дежурным по заставе, и на офицерских проверках пограничных нарядов, в основном в ночное время. Человек новый и в местных «боях» незакалённый.

На заставе был недокомплект не только рядового состава, но и офицерского. Сам майор начальник заставы, замполит капитан и старшина. Второй офицер появился всего лишь три месяца назад. Офицер Советской Армии, призван по зову Партии на пополнение пограничных войск. Капитан Муськин, если судить по служебной аттестации, офицер вроде бы неплохой, даже имеет орден Красной звезды. Был в составе ограниченного контингента на острове Свободы — на Кубе. В службу включился активно. Но... вольная жизнь гусара оставила в нём след, и рамки пограничной службы ему пока тесноваты. Поэтому посылать его на установку вёшек майор считал — рановато. Тут не Куба. Вместо ордена может получить или крест железный, или кол осиновый, как говаривали в старину. И подставлять его сейчас будет нечестно и нецелесообразно. Пусть пообвыкнет, войдёт в тонкости службы. Тут не западная граница, где всё чётко, как прописные истины. Там, кто бы он ни был, переступил границу, — нарушитель, диверсант, агрессор. А проще — враг. И с ним разговор короткий, уничтожить или брать в плен, всё зависит от ситуации. Резко и однозначно. Здесь же с такими мерками не подойдёшь.

И старшину нельзя отвлекать. Хоть и на три-четыре часа, но хозяйство без присмотра не оставишь. Выдача провианта, закупки хлеба и прочих продуктов в сельском магазине. Необходимо уделять внимание и содержанию небольшого, но имеющегося в наличии подсобному хозяйству. На хозяйстве всегда найдутся дела, если душа беспокойная, заботливая.

Оперативное дежурство поделено на троих: на старшину, замполита и начальника заставы. Иногда, когда кто-нибудь отсутствовал из них, в этот график включался Пелевин. Он парторг заставы и один из самых опытных и надежных младших командиров срочной службы.

Командование обещает прислать ещё одного офицера, заместителя по огневой и строевой подготовке, но когда это будет? Кто-то из демобилизованных ранее сержантов проходит трехмесячные курсы при Московском высшем пограничном училище. После присвоения звания младшего лейтенанта — контракт на трёхлетнюю службу, — и направление на заставу. Но это в перспективе. Сейчас же вся работа по укреплению границы лежала на нём, на майоре Романове. И предстоящая установка вёшек — ответственность немалая. Тут обязательно будет встреча с китайцами. Они не упустят такой момент, появятся. А там... держи ухо востро. Поэтому, и по служебным и этическим соображениям, начальнику заставы придётся ехать самому устанавливать вёшки.

Жаль отнимать у солдат их личное время, но служба требует. Вперёд! Как в песне поётся: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Это относится к ним ко всем пограничникам.

После разговора с дежурным по заставе Романов снял трубку прямого телефона с оперативным дежурным отряда.

— Майор Макеев, — слышался лаконичный голос.

— Здравия желаю, Игорь Семенович. Второй.

— Здравия желаю, Юрий Васильевич. Слушаю вас.

— Докладываю. На участке спокойно, происшествий нет. Через двадцать-тридцать минут убываю не границу для установки вешек в район села «Ново-Советское». За меня остаётся старшина заставы Магда.

— Понял, Юрий Васильевич. Доклад принят. Счастливо.

— Спасибо.

За пожеланием майора Макеева, внешне спокойным, чувствовалась напряжённость, и Романов её улавливал. Наверное, так же как когда-то его отец перед самой войной с Германией, служа на западной границе.

2

В Ленкомнате находились Вячеслав Потапов и Юрий Морёнов. Один просматривал подшивки «Красной Звезды», «Комсомольской правды», второй что-то подбирал на баяне, судя по знакомым звукам, пограничную песенку «Я служу на границе...» У Юрия шевелились губы, он тихо подпевал. Но как только пальцы запинаясь на клавишах, мурлыканье прекращалось, правый уголок губ недовольно дергался, и он заново начинал прерванную мелодию. «Мама, милая мама, как тебя я люблю...» — подпевал он.

— Когда последний раз матери писал? — спросил Славка и передразнил: — Мама, милая мама...

— Неделю назад. И сегодня после обеда буду писать, — ответил Юрий. — А ты давай, давай, повышай политическое образование. А то опять неудку схватишь. — «Неудка», то есть неудовлетворительная оценка.

— Во! — воскликнул Потапов. — Ты посмотри! Чехи китайских студентов поперли из своей страны. За хулиганство!.. А наше правительство опять китайскому правительству предупреждение выразило.

— Ну вот, видишь, уже кругозор повысился, — усмехнулся Юрий. — И какое?

— Восемьсот восьмое! — пошутил Потапов.

— Пиливал дяденька Маонька на наши баиньки, — с жиганской придурью усмехнулся Юрий.

— Точно. Ого! Ты посмотри только, — Славка стал читать:

«25 января («То есть три дня назад», — отметил Юрий), в полдень, около 70 китайских граждан — это были китайские студенты, возвращавшиеся из Западной Европы через Москву на родину... («Это наверно те, которых под зад выперли из Чехословакии», — заметил он иронично.) ...и сотрудники китайского посольства в Москве прибыли на Красную площадь. Когда китайские граждане подошли к Мавзолею, их представитель возложил венок у входа. До этого всё было спокойно, и китайские граждане не нарушали правил поведения на Красной площади.

Потом китайцы выстроились вдоль Мавзолея, достали книжечки с цитатами Мао Дзедуна и стали хором декламировать. Советские люди, стоявшие позади китайской группы, терпеливо ждали, пока получат возможность пройти в Мавзолей.

Спустя некоторое время представители милиции обратились к китайским гражданам с просьбой пройти в Мавзолей или освободить проход, чтобы не задерживать других. В ответ китайцы стали ещё громче декламировать цитаты, подкрепляя их жестами и выкриками. Они толкали стоявших рядом советских людей, явно провоцируя беспорядки. Один из китайцев вдруг ударил по лицу женщину, стоявшую в очереди...»

— Во, хамло! — воскликнул Юрий.

Славка согласно кивнул.

«...Это послужило как бы сигналом. Китайцы стали набрасываться на советских людей, наносить им удары. Китайцы применяли следующую тактику: три или четыре человека окружали одного советского гражданина и пытались его избивать. Их лица были искажены от ярости и злобы.

Советские люди, находившиеся на Красной площади, продемонстрировали выдержку и спокойствие, не поддались на провокационную выходку. Сами, без помощи милиции, взявшись за руки и образовав живую цепь, они оттеснили китайскую группу на несколько метров от Мавзолея. Поняв, что затеянная провокация не увенчалась успехом, китайцы вынуждены были сесть в автобус и уехать с Красной площади.

То, что произошло 25 января 1967 года на Красной площади, заявил Б.Д.Пядышев, является не чем иным, как откровенной и заранее спланированной провокацией. Всеми действиями китайской группы руководил первый секретарь посольства КНР в СССР Мяо Цань. Цель этих хулиганских бесчинств состояла в том, чтобы попытаться нанести ущерб советско-китайским отношениям и дружбе народов Советского Союза и Китая».

— А вот дальше, — продолжил читать Славка другую статью.

«На Ярославский вокзал, чтобы уехать Пекинским поездом на родину, китайские студенты пришли с марлевыми наклейками и пятнами йода на лицах. Одна студентка явилась даже на костылях. Однако под йодом и наклейками не видно было признаков царапин, синяков, порезов или опухших мест».

— Цирк!

Юрий пиликал на баяне двумя пальцами: указательным и средним, изредка подключая к ним негнущиеся безымянный и мизинец. Особенно трудно ему давались аккорды, когда нужно было выполнять их всеми пальцами кисти. (До Армии пальцы были перерезаны ножом.) Когда-то он хорошо играл на гармошке, чуть позже, на баяне мог повеселить компанию, сыграть «цыганочку», «русскую», кое-какие вальсы, песни. После травмы «завязал» с музыкой и надолго, пока не понял, что, упражняясь на музыкальных инструментах, разрабатывает кисть. До этого использовал только эспандер. И добился некоторых успехов. Указательный палец стал сгибаться на всех фалангах, средний на втором, — это уже давало возможность крепче держать в руке круглые предметы, в том числе автомат, штык-нож.

Но два нижних пальца едва сгибались на вторых фалангах, по клавишам баяна они ходили грубо, неловко, то, опаздывая надавить на нужные кнопки, то, запинаясь на них, отчего Юрий недовольно дергал уголок губ. «Я служу на границе...» Когда Потапов стал читать газету, он прекратил пиликать и с интересом уставился на друга. К информации о том, что китайцы творят у себя в стране, а также в Польше, Чехословакии и даже в Америке, он относился с долей иронии, — напишут там, не видел сам, не верь ушам. Как-то не укладывалось в сознании поведения китайцев, что-то ребяческое в том прослеживалось, несерьезное.

— А во, смотри, дальше... — продолжал Потапов.

«...вслед за провокационными выходками китайских граждан в Москве началась новая волна бесчинств у здания советского посольства в Пекине. Организованные толпы хунвейбинов выкрикивают злобные и грязные ругательства в адрес советских людей. Несущие охрану посольства полицейские выкрикивают антисоветские лозунги вместе с толпой. Советские дипломаты, сотрудники посольства, журналисты, члены их семей, все советские люди, находящиеся в Пекине, соблюдают выдержку, спокойствие».

— У них там что, крыша совсем съехала? — усмехнулся Морёнов.

Но обменяться мнениями они не успели, в Ленкомнату вошёл дежурный.

— Ага, ратаны, оба здесь. Собирайтесь друзья, и потеплее.

— Товарищ старший сержант, мы выходные, — напомнил Потапов.

— Знаю.

— И куда? — спросил Морёнов с нотками недовольства в голосе. У него были виды на свой выходной: хотя бы отоспаться вволю, особенно после обеда, и написать письмо домой, о чём сообщил Потапову в разговоре.

— Это ненадолго. Поедете с товарищем майором вешки устанавливать.

— Сколько их можно ставить? Надоело уже. Китайцам на забаву? — проворчал Славка.

— Ладно, приказы не обсуждаются, а что? — выполняют. Собирайтесь, людей-то нет, — сказал Пелевин и, утешая друзей, добавил: — К обеду вернетесь.

Солдат на заставе не хватало, по этой причине даже выходные дни иногда предоставлялись не по два в месяц, а на половину меньше. И старшему сержанту была понятна реакция солдат — ответ на посягательство на их единственный выходной.

— Не посылать же тех, кто с наряда пришёл или в наряд идёт?

— Ладно, Толя, чего там, — сказал Юрий и, вздохнув, поставил баян в футляр. — Поедем, прокатимся.

Славка, перевернув прочитанные листы подшивки, сложил в стопку и поднялся.

— Поедем, потешим хунов.

Пелевин вышел на веранду. Просторное, застекленное помещение, пристроенное из досок во весь торец казармы — место времяпровождения пограничников в тёплые летние вечера, где всегда слышны шутки, смех, звуки баяна, гитары и песни. Сейчас здесь холодно и кое-где на лавках и на полу лежал снег. «Надо дать команду дневальному, чтоб подмёл», — подумал Анатолий.

Солнце ярко светило, и снег на улице слепил глаза. За оградой стоял ГАЗ-69"б», но водителя не было. Анатолий от яркого солнца приложил ладонь козырьком ко лбу, посмотрел на вышку, стоявшую за оградой заставы.

— Колун! — крикнул он. С вышки никто не отозвался. — Колун! — крикнул он громче.

В окне будки показался часовой. Анатолий махнул ему: выйди!

Часовой вышел из будки и подошёл к перилам. Был он в полушубке, от времени потемневшем, и толстый от поддетой под него телогрейки. Выходя в наряд часовым на вышку, солдаты поддевали под полушубок дополнительно и бушлат. А также ватные брюки или пару кальсон и размера на два больше валенки. Вышка — это хоть и не в космическом пространстве находится, но зимой и на ней не Ташкент.

— Ну что, Илюша, там видно?

— Ничего особенного, — буднично ответил часовой. — Всё спокойно. На той стороне какие-то люди, похоже, хуны, бадью с водой тягают. Трое тянут салазки, а один на бочке сидит, видать, крепким словом помогает. В БМТ хорошо видно.

— Ладно, понятно, — одобрительно сказал Анатолий и спросил: — Где Бабуля? Машина стоит, а сам где?

— Кажется, к Панчуку на кухню ушёл.

— А Урченка?

— Не знаю. В коровнике или в курятнике.

— Хорошо, найдём.

Пелевин поёжился от морозца, который стал пробираться сквозь гимнастерку и нательную рубаху под ней. Проскрипел сапогами по полу веранды и вновь скрылся за дверью. Прошёл по коридору заставы в сушилку. Там уже были Морёнов и Потапов, они снимали с сушилки свои вещи, валенки и портянки.

Юрий ошупывал портянки, которые вчера поздно вечером, вернувшись с реки Хор, с левого фланга, выстирал, надеялся, что за выходной высохнут. Они были волглыми. Валенки тоже ещё не просохли.

Славка также с неохотой натягивал на себя не просохшие вещи.

— Морёнов, сходи, поищи Урченку, — сказал Пелевин, войдя.

Юрий обернулся, держа в руках портянку.

— Извини, Толя, но за ним не пойду.

— Это ещё почему? — удивился старший сержант отказу.

— Не спрашивай. Но искать его не пойду.

— Рядовой Морёнов!

Потапов сдернул с вешалки полушубок.

— Я схожу, — сказал он примирительно. — Что ему передать?

У Пелевина засвербело в ухе, и он от досады, морщась, зачесал пальцем в раковине, затряс им. И тут же, вынув из кармана галифе коробок и достав из него спичку, стал еюковырять в ушной раковине.

Работая на шахте в Кузбассе, он простудил уши, проболел отитом, и теперь зуд в ушах нет-нет да занимался. Особенно в моменты, когда начинал злиться, нервничать. Уж от кого от кого, а от земляка он такого не ожидал. Не выполнить даже не приказ — просьбу...

— Скажи ему, чтобы собирался вместе с вами, — сказал он Потапову. — Пусть приготовит топор и два ломика. И флягу для воды с черпаком, — повернулся и вышел.

— Юрка, ты чего? — спросил Славка.

— Потом как-нибудь объясню, — виновато ответил Юрий. — Долго рассказывать.

— Ну ладно, я пошёл.

Потапов надел полушубок и вышел.

3

...Произошла какая-то глупая история. Вначале Юрий даже не понял, что именно произошло? Возможно, он бы вообще не придал той сцене какого-либо значения, да и стоила ли она того, чтобы помнить о ней. Но когда, где-то через неделю, его вдруг, ни с того ни с чего, отчитал капитан Муськин, он от стыда не знал, куда деваться. Покраснел, как плут, уличенный в какой-то пошлой выходке.

Капитан так и сказал:

— Сплетничать, распускать слухи — это недостойно комсомольца! А тем более — комс-оргу заставы.

Юрий стоял, не понимая, что к чему и что это нашло на кэпа? И только потом, когда немного успокоился, понял...

Так сложилось на заставе издавна, не гласно в подразделении создавалась хозяйственная служба под началом старшины. Ещё задолго до появления на ней майора Романова. В неё входили три солдата: каптенармус — рядовой Романов, бурят, и два хозяйственника — Урченко и Сапель, рядовые.

Урченко отвечал за животноводство, то есть за двух лошадей, двух коров и телочкой, ухаживал за свиньями с поросятами, за курами в курятнике. Варил, кормил, убирал в хлевах и сараях.

Сапель — исполнял обязанности истопника, так как при заставе имелась паровая котельная, которая обеспечивала теплом не только служебные помещения, но квартиры офицеров. Ему же вменялось в обязанность — баня. Изредка эти хозяйственники подменялись или объединялись, когда на заставе проводились авральные мероприятия, особенно в субботние банные дни.

Каптенармус Романов вообще состоял на особом счету, и занимался только бельём, простынями, наволочками, что возил на стирку в прачечную в Переяславку. А также учётом всего инвентаря на заставе и при заставе, и солдатской одеждой.

Солдаты этой группы привлекались к службе, но не продолжительно — на два-три часа, на проверку нарядов на границе в сержантские или офицерские наряды.

В тот день Урченко собирался ехать на лошади за хлебом и кое-какими продуктами в село Аргунское, что находится от заставы в километрах трех-четырёх. Узнав об этом, ратаны собрали деньги, и он, Юрий, в одной гимнастерке, по морозу, побежал на хоздвор, где кроме двух коров, находились и две рабочие лошади — вся заставская кавалерия. Войдя во двор, не обнаружил в нём запряжённой подводы. Забеспокоился: опоздал! Но, заглянув в конюшню, увидел лошадей. Облегченно вздохнул: тут ещё, не уехал.

Прошёл дальше, во вторую половину, в коровник, отгороженный дощатой стенкой. Отворил дверь. Она открылась мягко, без скрипа на ремённых накладках и вошел. Под потолком горела лампочка без плафона.

Одна половина помещения была забита сеном (Сено имелось и на сеновале, и за двором в стогу — летом заготавливали заставой.). С другой стороны, за перегородкой сидели он и она: Славик и жена замполита. Ей, как и капитану, было лет сорок. Но и Слава Урченко в свои двадцать четыре выглядел ненамного младше: лицо в преждевременных морщинах и притом глубоких, за что его кто-то прозвал «гофрированным». Складки начинались от козелка ушной раковины и уходили за скулу, казалось, что гофры эти — результат косметической операции, и неудачной: само лицо было гладким, с заострившимся носом, с обтянутыми хрящевидными выступами на переносице. Когда они, хрящи, бледнели, а морщинки розовели — это выдавало его нервное состояние.

Слава был старше своих однопризывников, поскольку призвался в армию на три года позже и, конечно же, был помудрее. А, обнаружив у него в бане довольно солидное отцовское наследство, Славу просто зауважали, как обладателя чуда природы, как уникалом, который, ясное дело, надо хранить в бархатном чехле, а не в солдатском галифе. Слава был из сельской местности, из-под Нижнеудинска Иркутской области, и имел наклонности к хозяйственным делам. Может быть это и определило его дальнейшую службу. Да еще, возможно, из-за нескладной фигуры и за неумение ходить в строю. На строевой подготовке часто путал руку с ногой: бодро шагая, заносил, скажем, под правую ногу правую руку, или же под левую ногу левую руку. Да ещё за ряд качеств, которые выбивали его из караульной и патрульной службы на заставе.

Но в быту он умел всё. Умел доить коров, управляться с лошадьми, убирать в хлевах, даже щупать кур, а это не всякому дано, на это тоже надо иметь врожденные или приобретенные навыки. Но вот с коровой у него что-то последнее время не заладилось, не то стал слишком груб под ней, не то мягок. И она сбавила надои. Шефство над ними, над Славой и коровой, взяла замполитша. Женщина кругленькая, подвижная и к крестьянскому труду обученная, то есть к соскам рука приучена смолоду.

В момент, когда Юрий вошёл в коровник, дояры сидели под коровой, и в две руки, тянули соски вымени. Сидели плечо к плечу, о чём-то переговариваясь в полголоса. Славини руки лежали на её кулачках.

Юрий остановился, смущенный их слаженной работой.

Присутствие солдата заметила вначале женщина. Она увидела его скорее не глазами, а затылком, словно задний обзор находился под прицелом третьего глаза. Резко откатнулась от Славика, от чего тот упал на задницу. Но Слава тут же поднялся. Гофры на его лице были розовыми, натянулись в улыбке смущения. Хрящеватая переносица побелела. Глаза поблескивали и избегали взгляда товарища.

Чтобы как-то сгладить свое неожиданное появление, Юрий заговорил первым и притом излишне торопливо, чем ещё больше загоняя себя и их в конфуз.

— Слава, ты в село, да? Мы тут вот собрали, — вынул из кармана смятые бумажные деньги и мелочь. — Купи курево: «Радопи», «Беломор». И «Помарина», два тюбика. Ага?

Слава кивнул, дескать, ладно, чего там. Протянул руку и забрал деньги.

Юрий виновато улыбнулся замполитше и поспешил из стайки. Конечно, у него мелькнули фривольная мыслишка на предмет этой парочки, — уж больно нервно они отреагировали на его появление. Но о них он вскоре забыл.

Вот и вся история. Невесть, какое событие, чтобы о нём помнить. А болтать, как высказался кэп, и сплетничать, он и вовсе не мог. С детства не обучен. Но кое-кто, похоже, не забыл. И ему напомнил. И так некстати.

После отсчитывания капитана Муськина, его нелепых обвинений, Юрию уже не хотел видаться с Гофрированным, а тем более с женой кэпа.

Капитан же при встрече смотрел на солдата с высокомерием и во взгляде, казалось, сквозило презрение. И что самое неожиданное — служба начала тяготить. Романтика пограничная как будто бы приугасла, по крайней мере, на заставе он начал чувствовать себя не так уютно, как раньше, до появления капитана.

В тот памятный час Юрий был «колуном», то есть часовым по заставе, и встретил кэпа во дворе. Доложился о несении службы. Вначале замполит показался пьяным, но он не поверил себе, поскольку никогда не видел на заставе выпивших офицеров. Такого просто не могло быть! А после разговора с ним, сам ходил как пьяный. Весь остаток наряда, а было это поздним вечером, патрулируя по периметру заставы, сгорал от стыда. Расстегнул полушубок до пояса, пожалев о том, что поддел под него ещё телогрейку. Оказывается, человека может согреть не только шуба, но и «доброе» слово.

Муськин был переведен на заставу из Советской Армии, человек на границе случайный. Только это его оправдывало в глазах Морёнова, призывало к снисхождению, как к невоспитанному хулигану, хоть и к командиру.

4

После приказа, который майор Романов поставил наряду, коим сам же будет командовать, укрупненный пограничный наряд, кроме табельного оружия, дополнительно вооруженный топором, двумя ломками и молочным бидоном, выйдя из заставы, направился к «бобику» Бабенкова. Такое сочетание, — название машины и фамилии её водителя, начинавшиеся с одной буквы, — веселило солдат, и, в конце концов, Вовку прозвали — Бабулей, а ГАЗ-69"б» — бобиком. Машина старая, выдавшая виды, под выцветшим тентом. Это было одно из тех технических средств, какими начала оснащаться государственная граница на советско-китайском участке, по крайней мере, её дальневосточная окраина. Вторая машина, ГАЗ-66, тоже не первого года службы, стояла в гараже, в деревянном сарае «при полном боевом».

После окончания войны 1945 года на Дальнем Востоке, в результате которой Китай был освобожден от японских милитаристов, и были вытеснены на о. Тайвань Гоминдановские войска, между правительствами СССР и Китая установились самые тёплые братские отношения. Порождены два великих народа: китайский и советский.

Если до войны восточной границе уделялось самое пристальное внимание: в инженерных сооружениях, в техническом вооружении, в численности личного состава на пограничных заставах и кавалерии при них, то после войны необходимость в столь тщательной обороне дальневосточных рубежей отпала. Были сокращены не только пограничные заставы, но и пикеты, а на действующих заставах упразднена и кавалерия, в том числе. Численность личного состава так же сократилась ввиду отсутствия враждебного и ненавистного капитализма за рекой и на суше. И граница стала «прозрачной». На ней служба, казалось, была курортом, правда, затяжной — в три года.

Материально-техническое обеспечение соответствующее, то есть никакого. Пограничные участки увеличились вдвое, и обслуживались пешими нарядами при интервале движения от 4 часов до одних суток, при этом — полное отсутствие КСП (контрольно-следовых полос), ими на реках служили песчаные отмели, а также — заградительных систем и телефонной связи.

По Уссури и по Амуру ходили допотопные катера пограничной флотилии, доставшиеся ей от японцев и репатриированные из Германии, — «утюги», дававшие по 10—12 узлов в час. «Утюги» (как прозвали их пограничники) грохотали громко и пока, сердито урча, приплывали на место какого-либо ЧП, китайские плоскодонки благополучно покидали сопредельную территорию, и их владельцы помахивали пограничникам из-за фарватера ручкой. А с момента осложнения отношений между правительствами не только смеялись, но и жестами оскорбляли стражей границы, а также и население, рыбаков. Удадь новых китайских рыбаков становилась всё вызывающе наглой, а при той технической оснащённости советских пограничников, безнаказанной.

Настоящие нашествия с китайской стороны начинались в кетовую путину, поскольку рыба, по одной ей ведомой лощи, шла именно вблизи советского берега. И если 2—3 года назад рыбаки и той и другой страны могли мирно сосуществовать на Уссури, и притом больше на её правой стороне, по-братски делясь уловом, то к середине 60-х годов эта трогательная идиллия совсем нарушилась.

Политическая напряжённость в Китае расширилась от центра его до самых до окраин, как электромагнитные волны. Теперь уже можно было видеть, как два Вани, стоя в лодках, помолодецки размахивая веслами, отвоевывали каждый свой приоритет. Преимущество варьировалось, всё зависело от количества рыбаков и их подготовленности, не только в технической, но и психологической. За частую — оно было на стороне русских. В конце концов, они находились хоть и у последней черты, но на своих водах, и хоть не всегда вовремя к ним на помощь приплывал с заставы «утюг», однако даже наличие столь несовершенной техники вдохновляло, подкрепляло дух, удваивало силы. Да и критическая температура кипения в русском характере высокая, если её долго испытывать, подогревать, то она однажды может взорвать его, и уж тогда не обессудь друг ситный. Проверено не единожды, о чём история гласит...

Теперь государственная граница со стороны Советского Союза требовала дополнительных усилий, увеличения численного состава подразделений, технических средств. Однако политическое руководство СССР или не верило, что положение на границе настолько серьёзное, или надеялось на потепление отношений за счёт миролюбивой политики на всех уровнях, и потому боялось, как бы оснащением застав не спровоцировать сопредельную сторону на ненужные инциденты. А может быть ещё и оттого, что подобными действиями можно вызвать лишний ажиотаж зарубежной прессы, где и без того хватает иронии и сарказма в адрес недавних братьев.

Весть о том, что застава будет оснащаться автомобильной техникой, была воспринята с воодушевлением. С того момента, как на заставах была упразднена кавалерия, а фланги удлинились на треть, а то и вдвое, — немало утекло воды в Уссури, и не одна тысяча сапог разбита на этих флангах, избито и изувечено солдатских ног, — то этот подъём в душах пограничников можно было понять.

И вот, в один из довольно сносных по погодным условиям осенних дней, на дороге к заставе, о чём был оповещён личный состав заставы нарядом со шлагбаума, появился старенький, разуделанный от облупившейся краски под «камуфляж», юркий ГАЗ-69"б». На торжественную встречу вывалил едва ли не весь личный состав заставы.

Вова Бабенков, откомандированный в одно из подразделений Советской Армии, где авто списали за непригодностью, увидев какие почести ему воздают сослуживцы, поднадавил на «газ», прибавил скорость и... вместо того, чтобы лихо затормозить, машина с треском въехал на территорию заставы, внося на капоте зелёную ограду.

От грохота, хохота и шума на улице с заставы выбежали её остальные обитатели. Вышел и майор Романов. И то, что он обнаружил перед входом в здание, больше походило на броневичок со щепками на капоте и на крыше. Под улюлюканье, смех и свист из «бобика» выходил Бабенков, сконфуженный и растерянный.

Как позже выяснилось, в машине пропали тормоза. Но, то вина не «бобика» — то вина Бабули, и тех, у кого эта боевая единица находилась на обслуживании. На том торжества по случаю приёма автотранспорта закончились. А чтобы горе-водителю впредь было неповадно разбивать ограду, майор приказал рядовому Бабенкову собрать все щепки и восстановить забор вновь. Что тот и сделал, конечно, не без помощи друзей.

ГАЗ-66 Коли Киняпина пришёл (он тоже сам и прирулил на нём) внешне не в плохом виде. Краска была свежая, но не родная, быть может, пятого-десятого слоя, однако и она под собой не могла скрыть тяжелой судьбы машины. И пришёл ГАЗ-66 откровенно не своим ходом: его притащили на верёвочке. И Коле, и Бабуле пришлось ещё добрых месяца полтора над ними поработать, выискивая всевозможные запасные части к ним в окрестных местах и весях. И, тем не менее, на промасленных, пропахших бензином водителей, сослуживцы смотрели с уважением и надеждой: лучше плохо ездить, чем хорошо ходить. И этот долгожданный комфорт зависел от этих волшебников.

...«Бобик» стоял с наружной стороны ограды, слегка пофыркивая выхлопными газами. Зимой Бабуля боялся лишний раз машину глушить, ибо были, и неоднократно, случаи включения её собственной энергией, передаваемой мотору через «кривой стартер». Сейчас же предстояло оперативное задание, и не хватало ещё в очередной раз припозориться перед товарищем майором и сослуживцами. Когда пограничный наряд, который замыкал начальник заставы, подошёл к машине, Бабуля поигрывал «газом», демонстрируя готовность боевой техники. Она, изредка постреливая, урчала, и из её выхлопной трубы на морозце курился седой дымок.

Сложив на пол ломтики, внеся флягу, солдаты поочередно влезли в машину. Расселись по лавкам. Последним сел майор, перед ним Бабенков откинул спинку сиденья, через которую входил наряд. Майор захлопнул дверцу и скомандовал:

— Вперёд!

ГАЗ 69"б» проворно откатился метров на десять назад, развернулся и быстро направился к берегу Уссури. Спустился на лёд.

Илья Пляскин, стоявший на вышке, вначале наблюдал за машиной невооруженным глазом. Но потом, когда она минула Ближний остров, Средний, припал к окулярам большого бинокля на штативе и проводил машину за остров Сахалинский, третий по счету, где она и скрылась, свернув по руслу реки налево.

5

По гладкому льду машина бежала ходко и плавно. Под колесами шуршали льдинки торос, наст. За окном проплывали белые берега, в отдельных местах поросшие чёрным тальником. Особенно его много изобиловало на островах, и острова представлялись огромными шапками с взъерошенной упругой порослью. Белый, с голубизной снег лежал плотной массой под их основанием, словно мездра песцовой шкуры.

Ветерок тянул по реке слабым хиусом, подбивал снежок, утрамбовывал им сугробы, приметал его к неровностям льда, к торосам, кое-где размазывая снег лепешками, блинами по заледеневшей плоскости реки. И всё это светилось, искрилось под ярким холодным солнцем, стоявшим над Уссури, заставляло щурить глаза и в то же время радоваться погоде, природе, жизни.

Активизировалась жизнь граждан и на сопредельной стороне. Они чаще начали появляться на границе, настораживая советских пограничников. Когда шумливые до озорства, когда угрюмые, молчаливые, но, как от тех, так и от других, можно было ожидать каких угодно знаков внимания, как следует их ожидать от добропорядочных соседей. И чаще, подвоха, мелкой пакости, таких как: сламывание вешек, установленных советскими пограничниками накануне; или в выходах толпами навстречу пограничному наряду, но ни с хлебом-солью, а с цитат-

никами Мао Дзе-дуна, красными флагами, с транспарантами в иероглифах. И такие встречи становились всё чаще вдоль по границе, как водной, так и сухопутной частей, если учесть, что каких-либо заградительных сооружений по всей её протяжённости не существовало. Казалось, их и не должно быть, потому как граница между братскими народами, породнёнными тяжелой судьбой, давними вековыми традициями взаимного уважения и связями, она как бы и не нужна.

По сути, так оно и было, и потому до недавних пор, как китайские граждане, так и русские, почти беспрепятственно переходили кордон, проведывая друг друга, как соседи, как друзья, как родственники — многих из них связывали узы брака. Шли через кордон, пренебрегая условностями государственного значения, доводя их до абсурда. И уже через десять-двадцать лет, то есть через поколение, забыв о них, вдруг пришли к неожиданному факту для себя, — мы живём в определённых рамках, на вполне очерченных границах! Где: туда — нельзя, сюда — не смей!

Перед жителями китайской стороны опустился именно такой занавес, ощутимый, жесткий и недвусмысленный. Но, чтобы осознать и принять его, нужно время, а оно-то как всегда в дефиците, поскольку за политическими страстями не всегда может поспеть приземленный разум. А потому, пока дойдёт до него что-то, пока граждане поймут новые реалии политических изменений, им, как и должно быть в лагерях, спешно следует изменить места пребывания: кого — по этапу, кого — по расселению, вглубь страны, в южные районы Китая.

Но, чтобы сохранить баланс народонаселения, плотность его и создать на северных границах кураж, сюда также по этапу, но с революционным подъёмом, под звон фанфар, были сосланы в места холодные, в места метельные, граждане из центральных районов страны. Со знойного юга с кипучей энергией, аккумулятивной идеями Мао Дзе-дуна переселены молодые и азартные.

Китайцы становились всё наглее и непредсказуемыми...

Романов смотрел вперёд и в то же время оборачивался к солдатам.

— Товарищ майор, сегодня прочитал в газете: наш МИД очередной протест выразили товарищу Мао. Он их хоть читает? — спросил Потапов.

— Конечно, читает. Или, по крайней мере, ему о них доводят.

— А Васька слушает, да ест, — подсказал Урченко.

— К сожалению, — согласился майор и спросил: — Вы имеете в виду инцидент у Мавзолея? — Потапов кивнул. — Да некрасивая, грубая сцена. Гостям не пристало так себя вести, — сказал с сожалением. — Но теперь дипломатам её решать. У дипломатов свои задачи, у нас на границе свои. Но в целом мы делаем одно дело — отстаиваем мир. Войнами мы уже сыты. А если ещё между своими, между странами, строящими социализм, а в недалеком будущем — коммунизм, грызня возникнет — это будет нелепость по сути. А беда пострашнее, чем война с фашистской Германией. Мы — одна семья, и кому-то из этой семьи надо быть мудрее и терпимее. Волей истории эта роль выпала опять нам, Советскому Союзу.

— Так-то оно так, товарищ майор, — согласился с ним Потапов, — но когда этот братишка на женщину руку поднимает, то, какое тут может быть терпение? Кулак чешется. И младших братьев учат.

— Тем наша служба и сложна. Недаром говорят: пограничник — это первый дипломат. Надо быть бдительным, находчивым, где надо — решительным, а где — и предупредительным. И границу охранять.

— Один уже проявил находчивость, — с иронией заметил Морёнов. — На полтора года в дисбат залетел.

Майор повернулся к окну. Сказать было нечего.

— Дожили, у себя на границе выстрелить нельзя, — поддержал друга Потапов.

6

... Ранней весной прошлого года старший наряда ефрейтор Карлов Андрей произвёл одиночный выстрел из автомата: завалил козу. К весне продукты на заставе иссякали: мясо, сало, кета, кетовая икра, что пограничники заготавливали сами для себя по осени. Поэтому старшина Магда посылал кого-нибудь из выходных, в качестве прогулки, на охоту. Выходной становился на лыжи, брал «тозовку» и шёл на промысел. Обычно одной-двух коз, а более удачливые заваливали и кабана, хватало на две-три недели. Потом, если подпирала нужда, вновь направлялся охотник в лес.

Магда не был лесничим, тем более звероводом, но к животному миру уссурийской фауны относился рачительно. Зверь в пограничной зоне, а тем более в пограничной полосе был не пуганный, и тут страстному охотнику ничего не стоило набить зверья такого и столько, что заставской лошадкой не вывезти. И потому охотников старшина подбирал сдержанных. В основном, одного-двух и проверенных. Карлов Андрей был одним из них. Он знал о том, что на заставе пора пополнять продсклад и чувствовал, что Магда вот-вот отправит его за мясом и в выходной день, который не хотелось тратить не по назначению. Ждёшь его, как праздник, а пройдёт, как сон вчерашний, — и Андрей, увидев поутру с вышки на правом флаге небольшое стадо диких коз, решил одну завалить. Оставив младшего наряда на вышке, он, спустившись вниз, направился на лыжах к устью реки Кия.

Роковой выстрел из автомата прозвучал резким щелчком и звук его, подхваченный ветерком, пролетел по Уссури.

Ответ на него вернулся, правда, с некоторым запозданием, через неделю, оплетья окоlesiцу едва ли не с полмира. Вначале он отозвался в посольстве СССР в Пекине, куда китайской стороной был заявлен протест. В нём говорилось об обстреле китайских пограничников советскими пограничниками. Было так же предъявлено вещественное доказательство — пуля от АК.

В начале 60-х годов в погранвойсках СССР была проведена замена автоматов Калашникова АК на более совершенную его систему — АКМ. Старые АК (хотя такая характеристика условна, автоматы отслужили не более 5—7 лет) тщательно смазанные, упакованные в ящики и вместе с широким жестом дружелюбия были переданы китайским вооруженным силам.

То, что оружие передано первоклассное, пограничники в 69 году подписались под этим протоколом собственной кровью. Во время совершения нападения на заставу Нижне-Михайловская (позже, *им.* Стрельникова), в спровоцированных китайцами вооруженных конфликтах на Даманском, потом — Дулаты, Жаланашколь. Бьёт насмерть!

Так что пулю, выпущенную из автомата ефрейтором, не надо было по ветру отлавливать сачком, её можно выковырнуть и у себя, из дуба, из любой доски или мишени. Разумеется, если бы Карлов знал, что так получится, то пулей бы метнулся за своим вещественным доказательством. Быть может, тогда смог доказать, что он не агрессор. Но пуля, что слово — выстрелишь, не поймаешь. Поэтому он стал таким же козлом, за которым охотился, только уже для другой стряпни — политической.

Факт произведенного выстрела подтвердился при первом же разбирательстве: место, час (до минут), и кем, — в чём Карлов оказал следствию необходимое содействие, подтвердил указанное время и сам факт автоматного выстрела. И хоть выстрел был произведён с другой целью, чем заявлен в ноте протеста, однако факт был — стреляли!

Для удовлетворения претензий китайской стороны, в назидание и в поучение остальным охотникам, виновник суматохи, ефрейтор Карлов, на полтора года был определен Военным Трибуналом в дисциплинарный батальон, где и продолжил своё политическое образование...

— Да, к сожалению, политическая обстановка на нашей границе значительно отличается от службы на других границах. — Задумчиво проговорил Романов. — Любой инцидент, непродуманный шаг, может стать причиной политического скандала. Оттого, если вы заметили, на

китайскую границу призываются люди образованные. Вот вас тут шесть человек. У кого образование ниже десяти классов?

— У меня семь классов, — подал голос Урченко.

— У меня восэм, — сказал Триполи.

— У меня десять вечерней школы, одиннадцатый не успел закончить, призвался, — сказал Морёнов.

— Вот, видите, трое из шести с полным средним. И что не призыв, то все грамотнее и образованнее приходят люди. Есть и с первых, с третьих курсов института ребята: Фадеев, Ромашин, Иванов. С техникумов четверо. Так что всё это неспроста делается. И неспроста именно вам доверена столь ответственная служба. Большая ответственность требует большого воспитания, сознательности, образования.

Ближе к Ново-Советским островам стали появляться прогалы поломанных вешек. А напротив китайского поселения они вообще отсутствовали. Острова, а их было два, разные по площади: большой и поменьше, — находились на советской территории, почти между двумя населенными пунктами: слева (по течению реки) — китайская деревушка, и справа — село Ново-Советское, в котором остался один двор.

В селе когда-то располагалась застава с одноименным названием, но с её расформированием распалось и село. Теперь в Ново-Советском жили два жителя: старик со своею старухой. Старик всегда словоохотливый, даже балагурный, наверное, оттого, что приходилось подолгу молчать в отсутствии собеседников; и потому ещё, видимо, что был он юркий и всегда ходил в старой выцветшей пограничной форме, в кителе, — он был прозван Щукарём. Из его дома сейчас из печи курился седой дымок.

«Старик дома. Поди, самогонку курит», — усмехнулся Коля Прокопенко. Был случай, подчивался во время покоса недалеко от села, заходили к старику в гости.

Машина остановилась у большого острова. Первым из неё вышел Романов. За ним пограничники.

— Ну что же... — произнёс майор, оглядываясь по сторонам и слегка разминаясь. Поджидая, когда выйдут из машины солдаты.

Денёк, действительно, выдался на славу. С утра тихий, солнечный, глаза резало от голубого снега, состоящего, казалось, из тысячи и тысячи искрящихся осколков стекла, рубинов, алмазов... Даже лед, местами голый, отражал блики.

Радуюсь затишью, над Уссури летали птицы, больше — сороки, которые преимущественно летели с китайской стороны, и изредко фазаны. Последние, как бы разминаясь после долгой спячки в снегу, взлетали из сугробов, делали облёт вдоль берега и островов, затем вновь камнем падали в сугроб, чтобы в нём согреться после полёта. Красивые птицы в пёстром коричневом оперении и необычные для нездешнего человека.

— Ну что же, — повторил майор, поправляя полу полушубка белого, как снег. — Потапов, Морёнов, берите топор и заготовливайте ветки, — кивнул на острова, поросшие тальником. — Триполи, Прокопенко, берите ломы и пойдёмте со мной. А вы, Урченко, поезжайте в Ново-Советское, привезите из проруби бидон воды.

Урченко с готовностью, даже как будто бы с радостью, воскликнул:

— Есть! — нырнул вновь в машину. Откинув спинку сидения, стал подавать солдатам инструмент: два лома и топор. Вернул спинку в исходное положение и бойко уселся на командирское сидение.

— Вперёд, Бабуля! — скомандовал он, хлопнув дверцей.

Бабенков, не выключавший машину, резко нажал на «газ», заложил крутой вираж, и «бобик» почти на месте развернулся на 180°.

Солдаты отскочили от машины и, смеясь, стали грозить вслед кулаками, одетыми в трёхпалые рукавицы.

Заметив движение на льду, на берег из китайского поселения стали выходить люди. Они стояли и смотрели на происходящее на реке. С берега справа скатился китайский наряд. Он брёл на лыжах устало, видимо, возвращаясь с фланга к себе на заставу. Спустился на лед, чтобы узнать, что происходит на самой границе.

По всему было видно, что солдаты небольшие ходоки на лыжах: палками упирались невпопад с ногой, и мельтешили ногами, словно боялись поскользнуться, упасть. Из-под бушлатов и шапок курился парок. От долгой ходьбы у заднего (видимо, младшего наряда) под глазами были бледные с синевой круги, и дышал он тяжело, открытым ртом.

Не доходя метров десять до советских пограничников, долбивших ломami лунки, пограничный наряд остановился. Младший наряда, приотстав немного от своего товарища, поодаль обвис на лыжных палках.

Автоматы АК (подарок Советских Вооруженных Сил Китайским Вооруженным Силам) у обоих были за спинами и торчали стволами вверх. Как и АКМы у советских пограничников.

Майор Романов подошёл ближе к невидимой линии границы, к вешке, только что вставленной в лунку, и отдал пограничному наряду честь. Майор был без погон, но по виду, подтянутому и опрятному, по портупее, ясно было, что это командир. Старший наряда тоже приложил руку к шапке, мохнатой с опущенными клапанами, на шерсти которой белела опушка наиндевовшего снежка.

Наряд, как показалось, излишне долго стоял, наблюдал за коллегами с сопредельной стороны. Это начало несколько нервировать советских пограничников. Прокопенко и Триполи перестали стучать ломami, встали за них. Даже оторвали руки от ломов, чтобы не дать китайцам повода для необоснованных претензий на заход за линию границы даже на величину мизинца. Солдаты выжидающе бросали взгляды на начальника заставы — тот не проявлял беспокойства.

— Что встали? Продолжайте, продолжайте работать, — сказал он.

Напряжение сбили Потапов и Морёнов. Они волокли по льду очередную вязанку веток и, приблизившись, Потапов приятельски воскликнул:

— Эй, Ванюши! Привет! — и помахал им свободной рукой.

— Привет, ратаны! — приветствовал и Морёнов. — Что, на помощь пришли? Мишка, дай ломик Ване, пусть подолбит.

Триполи усмехнулся, а Прокопенко сказал:

— Какой ему лом, пусть хоть себя донесёт до заставы. Вишь, качает.

Солдаты засмеялись. С появлением Морёнова и Потапова возникло оживление, смех. Китайцы, подошедшие из селения, немного знающие русский язык и услышав обращение: — Ванюша! — задвигались, заулыбались и тоже что-то залопотали, переговариваясь, друг с другом.

— Ваня, ты скажи-ка своим вон, — обратился Морёнов к старшему наряду, кивнув на жителей деревни. — Пусть оставят наши пограничные знаки в покое. А если наши не нравятся, устанавливайте свои рядом. Честное слово, мы ваши вешки сламывать не станем.

— Ага, — поддакнул Славка. — Только на наш берег не переставьте. — Все рассмеялись. Он поднял одну из веток и воткнул её в лунку. Спросил у китайца: — Ну, так как, договорились?

Морёнов тоже поднял ветку из кучи и, держа её, как флаг над собой, понёс к следующей лунке. Вставил. Ветка немного наклонилась на китайскую сторону. Юрий в шутливой тревоге воскликнул:

— Эй! Куда? Ну, назад! — и наклонил её на себя. — Не шали, не то эти братцы из-за тебя мне живо нарушение пришьют, и буду я с ломиком в дисбате дослуживать. А, Ванюши?

Китайские пограничники, не то, поняв иронию, не то только цель, с которой появились тут советские пограничники, а может быть, их встревожило приближение ГАЗ-69, отошли.

Направились к толпе, которая за это время придвинулась, и из которой слышались голоса. Китайцы приветствовали своих пограничников.

— Эй-эй! Ваньки! Вы куда? — крикнул им вслед Юрий с нарочитой обидой. — Эх вы, тоже мне, ратаны...

На заставе, да и в отряде, уж не известно от кого и когда, пошло нарицательное имя «ратан». Как думается, оно было производным словом от «братан», и означало тёплое обращение к товарищу, к сослуживцу, и обычно — в превосходной степени. Обращение к китайскому наряду, прозвучавшее из уст Морёнова, ирония его, вызвала у сослуживцев дружный смех. Нашёл ратанов!

На хохот обернулись оба китайских пограничника, и первый призамедлил шаг.

Майор уловил перемену настроения наряда, и у него мелькнула шальная мысль: «Сейчас как полоснёт из автомата! Дурости у них теперь не занимать...» — прикрикнул негромко, но резко:

— Прекратить! — И, как бы загораживая, защищая своих подчиненных, инстинктивно вышел вперёд. Подошёл и встал у вешки Потапова.

Когда пограничный наряд вновь продолжил движение, стал удаляться, майор почувствовал, как по спине прокатился нервный озноб. Стало душно. Он медленно расстегнул две верхние пуговицы полшубка и распустил шарф, — серый, мягкий, связанный из мохера заботливыми руками жены. С облегчением вздохнул. Почему-то подумалось о непредсказуемости наряда.

По секретным сводкам майор знал, что китайская сторона проводит дерзкие выпады в отношении советских пограничников, а также в отношении российских граждан. Умышленно идут на обострение отношений. И кто знает, где та грань, которой китайцы теперь придерживаются. Не то получится обмен любезностями: их обсмеяли — они обстреляли. Быть может, достаточно безобидной остроты, смеха его подчиненных, и возможно непоправимое.

«Сами провоцируем. Ну, Морёнов, шутник-камикадзе, пора проводить с тобой политико-воспитательную работу», — подумал недовольно майор. Вспомнилась не очень лестная характеристика капитана Муськина на этого солдата; дескать, переизбирать его надо, не тянет он на комсорга заставы, — с которой Романов тогда не согласился, и разозлился теперь.

— Морёнов, — сказал майор, — по возвращении на заставу, вы получите два наряда вне очереди.

Юрий удивился.

— За что, товарищ майор? — спросил он, перестав притромбовывать ногами вокруг вешки комочки льда и снега, что нагребал валенком в лунку.

— Три наряда! А если ещё спросите, то трое суток гауптвахты я вам гарантирую.

Солдаты приостановили работу и уставились на командира.

У Морёнова на лице вначале промелькнула обида. Но в ворохе смятенных мыслей, кажется, он уловил одну, и она тронула сознание: майор ни с того, ни с сего не накажет. Кинул взгляд на удаляющийся китайский наряд, который, отходя, всё ещё озирался.

— Понял, товарищ майор, — сказал он тихо. И добавил: — Только, пожалуйста, не в выходной.

Романов пропустил его слова мимо, но отметил про себя его понятливость. Проговорил ворчливо:

— Вы тут не на прогулке. На службе, — майор ещё приослабил шарф.

— Ясно, товарищ майор.

Подошла машина.

— Триполи, помогите Урченко выгрузить флягу. И ковш не забудьте. — Майор, давая распоряжение, притопывал вокруг вёшки, что поставил Потапов. Тот собирал свою вязанку веток, чтобы подтащить её к новым лункам, выдолбленным Прокопенко и Триполи.

Работа спорилась, и рабочий наряд постепенно продвигался по льду, огибая острова. За ним следом медленно двигалась и машина. Бабенкову было прохладно, и он сам себе нашёл работу: стал катать по льду бидон с водой и заведовать черпаком, подливая им воду в лунки под вешками, сменив на этой должности уважаемого хозяйственника. Славу Урченко майор пристроил к ломоку, поскольку ударные ломовики нуждались в постоянной подмене, иначе не успевали за вешечниками.

За работой советских пограничников наблюдали китайские граждане. Их было поначалу немного, человек двадцать, затем к ним стали подходить ещё и ещё. Они шли медленно вдоль строя новых вешек, о что-то разговаривали, посмеивались.

Одеты граждане были в тёмно-синие и зелёные бушлаты, фуфайки, в шапки — больше ватные, тряпичные; на ногах штаны из побуревшего грубого холста и мало у кого из них были валенки: в основном — кеды, ботинки, или сапоги, размера на два больше ноги. Вся эта братия выглядела нищенски, бедно, на бушлатах и фуфайках виднелись клочки ваты, а из дыр кед проглядывали портянки. Но, однако ж, братва была воодушевленная, говорливая. Особенно, молодые её представители.

«Бедность — это хорошо», — вспомнил Романов одну из цитат Мао Дзе-дуна.

Морёнов спросил начальника заставы:

— Товарищ майор, не напрасны ли наши труды? Только уедем — ломают.

Майор, подняв из кучи ветку, не ответил. Пошёл с ней к очередной лунке. Солдат прав, но выполнить работу они обязаны.

7

За полтора года службы на границе, Юрий уже мог узнать по внешнему виду и по поведению китайцев-старожилов, проживающих в деревне, от вновь прибывших людей из центральных районов Китая. Те, что проживали на севере, на границе с Россией, выглядели хоть и бедно, но опрятно, в тёплых одеждах и были приветливы: здороваясь, всегда улыбались и непременно с поклоном, и даже пытались заговаривать, многие из них знали русский язык. Особенно частая близость с ними происходила в кетовую путину, а в последнее время — и зимой.

В северных, более суровых районах Китая, несмотря на обилие политических лозунгов, цитат Мао и прочей продукции подобного рода, многим, если не большинству, всё же хотелось естественной пищи, от которой могла бы (быть может) лучше усваиваться и идеологическая. И, не находя подкрепления для желудка своего у себя на Родине, отчаявшиеся, искали её у соседа за кордоном. Они не заходили вглубь сопредельной страны, не выходили разбойниками на большие российские дороги, а притаивались в прибрежных кустах Уссури и поджидали советских пограничников. Ну, а за теми дело не стояло, — нарушителей препровождали на заставу, где жизнь становилась для китайца — райским наслаждением! Радость для желудка и для живота на целую неделю. А кому повезет — и более.

Около недели проводится проверка задержанного, установление его личности и места проживания, род деятельности и занятий, хотя и так ясно и понятно, что это родной племянник голодной тетки (рыбак или крестьянин), у которого в связи с массовым «окультуриванием» хунвейбины и цзаофани произвели продразвёрстку, изымание заготовленных продуктов. То есть, с учётом желаний последних, их силы и аппетита, первые вынуждены, в добровольно-принудительном порядке, с ними делиться всем, что имели. В результате, оставались ни с чем. И теперь — китайца, как и волка, кормили ноги, несмотря на условные обозначения вдоль границы, вдоль по Уссури.

Юрию не пришлось ещё задерживать таких нарушителей, но охранять на заставе, обслуживать их в столовой доводилось дважды. Одного доставил наряд Толи Сидорова, второго — Володи Юшманова. И обоих — этой зимой. Подобные нарушения происходили и на других

соседних заставах, а если судить по сводкам, что доводятся личному составу заставы на боевых расчётах, то кое-где — групповые.

Нарушители, что побывали на заставе, были старше среднего возраста, из северных «обрусевших», и оба мало-мальски могли объясняться на русском языке. Один из них даже назвал фамилию бывшего начальника заставы и старшины, служивших лет десять-пятнадцать назад. Называл фамилии жителей, проживавших некогда в селе Ново-Советское, с которыми состоял в каком-то родстве: не то двоюродная сестра была замужем за русским, не то племянница. Вспоминал совместные русско-китайские свадьбы. Много цокал языком, качал головой от приятных воспоминаний, смеялся. Позже, Магда подтвердил его рассказы, он тогда был на срочной службе и служил на «Ново-Советской» заставе. И им, молодым солдатам, было удивительно слышать подобное жизнеописание прошлых лет. Граница представлялась каким-то райским уголком, с её богатым животным миром, славными и добрыми соседями, живущими под одной крышей голубого небосвода. Тут и само понятие — Государственная граница — представлялось прозрачным.

И ещё, в довершении к услышанному, почти былинному, Юрий был весьма удивлен процессом питания китайских граждан. Они ели в основном рисовые блюда — солдатский плов, которым зачастую баловал заставу повар Панчук. Но ели не так, как он сам или его сослуживцы, да и, пожалуй, все россияне, а двумя алюминиевыми вилками, перевернув их плоские ручки вниз. Зажав вилки между пальцев, китайцы довольно проворно подхватывали ими плов и метали его в рот. Съев порцию, превышающую солдатскую, поднимались, кланялись и спрашивали:

— Исё, мозьяня?

По изношенной одежде, по выцветшей рубахе, вконец истоптанной обуви можно было судить: до какого отчаянного состояния были доведены люди. А по их словам: «Плёха, сипка плёха!..» — эти представления подтверждались и вызвали сочувствие.

Но больше всего китайцев донимал голод. Каждый из нарушителей понимал, что их ожидало по возвращении на родину, но, однако, шли на то, чтобы сделать желудку праздник, а потом... хоть в потоп.

При передаче одного из задержанных, при которой Юрий присутствовал, он этому бедолаге не позавидовал. Солдатский плов полез, наверное, у него из ушей, поскольку, как только нарушитель был передан сопредельной стороне и перешёл границу, его тут же, на глазах советских пограничников стали избивать, и кто чем: руками, ногами, прикладами, и лёд под истерзанным телом окрасился багряным цветом. После такого внушения патриотическое сознание, естественно, повышалось у китайских граждан, у вынужденных искателей приключений, и желающих сытной каши поубавилось. По крайней мере, теперь.

Возможно, это были те немногие, кто, таким образом, пытались выкарабкаться из той ямы, в которой сгорели 30 миллионов человек за время правления Мао Дзе-дуна.

8

День разыгрался. Солнце встало в зенит. С островов доносился птичий гомон. Над рекой, резвясь и играя, пролетали по одному по двое фазаны. Их серовато-коричневое оперение, длинные хвосты и величавое планирование вызвали восхищение. Пограничники на какое-то время приостановили работу и следили за ними. Дивились столь необычным птицам. Для сибиряков они были просто сказочными.

За фазанами следили и китайцы. Они о чём-то говорили, показывая на птиц. Похоже, тоже ими любовались. И в то же время медленно продвигались за пограничниками, не сокращая дистанцию и не увеличивая её.

Когда Морёнов подошёл к Потапову, Славка сказал, кивнув на ватагу китайцев:

— Слушай, по-моему, вся наша работа накроется медным тазом.

— Я уже говорил товарищу майору. — Морёнов взял у Потапова ломик: — Перекури, я немного поразвлекаюсь.

Юрий, сдернув с правой руки трёхпалую рукавицу, расстегнул полушубок до пояса. Было жарко от нахождения за пультом управления самого древнего и самого совершенного аппарата, дошедшего до наших дней в первоизданном виде, и ещё оттого, что автомат был за спиной, его ремень плотно облегал грудь и притягивал полушубок к телу. Два нижних пальца, безымянный и мизинец были прямыми, словно замороженными, средний согнут на втором фаланге и лишь большой и указательные пальцы расстегивали пуговицы полушубка. Славка спросил:

— Юр, я который раз замечаю — у тебя, что с пальцами?

— Да что, не гнутся.

— Сломаны что ли?

— Нет, перерезаны.

— И как ты?

— Да ничего, живу, как видишь, — усмехнулся Юрий, надевая рукавицу.

— А как тебя в армию взяли, да ещё в погранвойска?

— По глупости.

— Чьей?

— Моей, разумеется. Хотелось в погранвойсках служить.

Славка сквасил в ироничной усмешке губы.

— Ну, ты даёшь! Другие от армии любую зацепочку ищут, чтобы отвертеться, а он... Хм, — покачал головой. — А если придётся с ними драться? — кивнул Славка на китайцев.

— Ну и подерёмся, — Юрий сложил при помощи левой руки кулак правой руки и показал его товарищу. — Как, годится?

Славка дернул плечом, хотел было что-то сказать, но над островом взлетел фазан. За ним поднялся второй, и стали играть. Потапов вскинул голову и воскликнул:

— Во, дают!

Морёнов тоже повернулся. Птицы, играя друг с другом, то взмывали вверх, то опускались вниз. Метались из стороны в сторону, кувыркались.

— Не пуганые, не боятся... — улыбнулся Юрий, глядя на пируэты фазанов. — Потеплело... пригрело...

— Ага, тепло припекло, — сказал Прокопенко, подходя к товарищам, любясь птицами.

— Спрячутся в снег, коль замерзнут.

В подтверждении предположения Потапова, один из фазанов с приличной высоты бросился камнем в снег, посчитав снежный налёт на льду за сугроб. Со всего маха ударился об этот блин, и вместе с пушистым снегом в стороны полетели его перья. Все замерли, полагая, что птица разбилась, но, однако, из оседающей снежной пыли вынырнул живой, ошалевший от ушиба фазан и на бреющем полёте потянул от островов на северный берег. Его товарищ летел за ним следом, и где-то за кустами они скрылись.

Над представлением пернатых рассмеялись, в том числе и китайцы. Смех у них был дружным, рокочущим.

Майор Романов, Урченко и Триполи не видели, что случилось у острова, и поэтому на улюлюканье и смех с китайской стороны отреагировали встревожено. Китайцы показывали в их сторону, и им казалось, что они смеются над ними, и так нагло, вызывающе.

На щеках Триполи проступили желваки. «А, желторотые! Счас как врежу с калашника!..» Он посмотрел на начальника заставы. Майор нахмурился.

— Не обращайтесь внимания. Продолжайте работать!

По выражению лица Триполи Романов вспомнил взгляды китайского наряда, такие же злые, настороженные.

Из-за машины вышел, смеясь, Бабенков. Урченко спросил:

— Ты-то чего ржёшь, Бабуля?

— Да эти, курицы раздурились. Ха-ха! И одна из них спикировала в сугроб. Да промахнулась, язвы её. Об лёд как шмякнется, только пух от неё посыпался.

— Какой курица? Какой пух? — спросил Триполи.

— Да фазанва. Ха-ха!.. — хлопнул себя по полушубку Вовка.

Бабенков от природы был веселого нрава человек, с юморком, а подергивание головы при движении глаз, словно те прилипали к глазницам, и их приходилось сдергивать с места рывком, его речь дополнялась мимическим эффектом. Уже при его появлении, человек настраивался на ожидание чего-то забавного. И то, как он продемонстрировал увиденный им фазаний спектакль, развеселил и сослуживцев.

Смеялись пограничники, смеялись китайцы. Светило по-зимнему, но всё-таки щедрое солнце. И от улыбок и света, казалось, потеплели и погода, и психологическая обстановка между двумя группами, находящимися по разные стороны границы. Китайцы, смеясь, приветливо помахивали руками пограничникам, а те им.

— Привет, Ванюши! — крикнул в их сторону Морёнов и тоже ответно помахал им рукой, держа в ней пачку сигарет: — Курить хотите? Подходи на перекур!

Китайцы, в основном из старожилов, обрадовано оживились от предстоящего удовольствия. Подошли. За ними приблизились и молодые. Стали закуривать. Тут же пачка опустела.

Подошли Потапов, Бабенков, Триполи, за ними Урченко, скорее из любопытства, он был некурящим. Предлагали свои сигареты, папиросы.

Вскоре, под шутки и смех, установилась дружественная, непринужденная обстановка, как в добрые недавние времена, кои, видать, ещё не забыли старые китайцы.

Курильщики похлопывали друг друга по плечу, пытались говорить между собой, объяснялись жестами. Китайцы курили русские папиросы, сигареты, цокали языками, похваливали, похоже, им давно такого фарту не выпадало. Напряжение истаяло.

К смешанной группе не подошли двое: хунвейбин в собачьей шапке и майор Романов. Оба с настороженностью следили за происходящим. Майор лишь предупредил своих пограничников:

— За вешки не заходить!

9

Сломанные вешки были восстановлены. После совместного перекура, братания, майор приказал Бабенкову ехать вдоль границы до стыка флангов с восточной заставой.

Машина шла по льду мягко, кое-где шурша колесами на мелких торосах, на отвердевших наносах снега. За окном проплывали вешки и в отдалении — панорама заснеженных берегов, дубов, кустов тальника, высокой травы-ковыля.

За островами Уссури раздавалась вширь, но вдали, километрах в пяти, река сужается, загибая влево. Там, за мысом, в Уссури впадает река Хор, где и находился стык флангов двух застав.

С расформированием в пятидесятые годы заставы «Ново-Советской», фланг отодвинулся от Аргунской заставы до этой реки. Увеличение дистанции на добрую половину, может быть, особенно не сказывалось бы на физическом состоянии пограничников, если бы все они были членами олимпийской сборной по марафону. Однако уложиться в восьмичасовой график, преодолев путь в 45 км. (туда и обратно) особенно в весенне-летний и осенний периоды по галечнику, по песку вдоль береговой отмели Уссури или по бездорожью в распутицу и в половодье было бы проблематично и атлету. Поэтому редкий наряд, уходивший на Хор, укладывался в общепринятый восьмичасовой норматив рабочего дня и возвращался обычно часа на четыре, а то и на шесть, позже. Многие зависело ещё от погодных условий: первую часть

пути мог идти под солнышком, обратно — под дождичком, а если в зимнее время — то и под метелью.

Мирная братская обстановка между сопредельными странами когда-то благоприятно сказалась на экономике застав, отрядов и всего Дальневосточного пограничного округа — она их облегчала. А поскольку были упразднены конные подразделения, то, следовательно, отпала необходимость в фураже, кавалерийском снаряжении и прочих затратах на содержание испытанных и верных помощников пограничников. Правда, увеличился расход на сапоги, а при осложнившейся теперешней ситуации на границе — в особенности.

Теперь потребовалось и увеличение штата пограничных застав для интенсивного патрулирования границы, её оснащённости техническими и электронными средствами. Но этого-то как раз наша, привыкшая к экономике экономика не могла себе позволить. И потому начальники застав выкручивались наличным составом... Майор задумчиво смотрел вдоль берега на нескончаемый, казалось, фланг своей заставы.

Когда Романов приказал ехать до стыка флангов, Урченко пошутил:

— Съездим на Хор и споем хором.

Морёнов иронично заметил:

— Да мы вроде бы ещё не соскучились. Вчера до него плясали и едва притащились обратно, ноги оттопали до задницы.

— Кое-кому не помешало бы на него сбегать. Пробздеться, — усмехнулся Потапов. — Пооди, забыл, где Хор находится.

— Счас вспомню, — попытался отшутиться Слава. Не получилось.

Все промолчали, его шутку не поддержали.

На левый фланг обычно ходили перед выходным, который полагался пограничникам через каждые десять дней. Как только на боевом расчёте начальник заставы или его заместитель, а то и старшина заставы зачитывали:

— На шесть ноль-ноль. Направление — река Хор, выходят в дозор...

Значит после него — выходной.

Но не каждый достаивался такой чести — мерить левый фланг. Те, кто слабо стоял на лыжах и не обладал атлетическим здоровьем, ходили «колуном» по заставе или же на правый короткий двенадцати километровый фланг. Да ещё те, кто очень загружен был на хозяйственных работах. В том числе каптенармус Романов, за что солдаты в шутку прозвали руководство заставы династией Романовых — это майор знал.

У Урченко по лицу пробежала не то досада на подковырку Потапова, не то смятение, хрящи на его носу побледнели. Обычно оппоненту он изрекал жаргонный каламбур:

— Молчи громче, целей будешь, — но тут промолчал, смущал майор.

Замечание Потапова задело и начальника заставы. Получалось так, что на заставе существует группа, на которую тяготы службы как бы не распространяются. Она стоит за определенными обязанностями, как за привилегиями. И это неправильно. Надо будет иметь это в виду...

Впрочем, на хозяйстве тоже кому-то надо быть. Может двоих: Сапеля и Урченко — много, кого-то из них надо приобщать к службе, или почаще чередовать их. К этой группе относится ещё и повар Панчук.

Хозяйство, и надо сказать, неплохое хозяйство, майору досталось от его предшественника — капитана Хабибуллина; со всем движимым и недвижимым имуществом и с устоявшейся в нём обслугой.

До поры до времени майор не вмешивался в ведомство старшины, поскольку и старшину бывший начальник заставы подобрал неплохого в хозяйственники. Иначе разве ели бы солдаты кету до следующей кетовой путины, кету и кетовую икру; имелись бы в хозяйстве две коровы, две лошади, свои свиньи и даже куры? Солдаты сухой паёк видят только в нарядах, да и то только тогда, когда нет сала и вяленой кеты. Не-ет, тут не каждая реплика в строку.

Но расслабляться хозяйственникам на заставе никак нельзя.

— Урченко, вам, сколько лет? — спросил майор, повернувшись в салон.

На узких продольных кожаных лавках со стороны Бабенкова сидели: Морёнов, Потапов, Триполи; за майором — Прокопенко и Урченко. Урченко на плече держал топор, из хозяйской, видимо, рачительности.

— Двадцать четыре года, товарищ майор, — ответил Слава.

Романов утвердительно кивнул, словно сверил с картотекой ответ подчиненного.

— Не успели жениться?

Урченко призамялся с ответом. Слава призвался на три года позже и вполне мог сожительствовать с кем-то.

Но то, что произошло у Славы за год до призыва в Армию, нельзя было назвать женитьбой, хотя он и чувствовал, и чувствует себя обязанным перед той девочкой, с которой до этого дружил и которую оставил навсегда калекой. Вернее, бездетной, но не женой. . .

Получилось всё так сумбурно в их короткой, поспешной связи и настолько безграмотно и неосторожно, что даже теперь, по истечении стольких лет после того рокового дня, вернее, минуты, сторал от стыда и вины перед ней. Литературы по вопросу сексуальных отношений было днём с огнём не разыскать, у матери, с которой жил вдвоём, поинтересоваться на запретную тему, не допускал и в мыслях, и потому сексуальные отношения с женщиной ему представлялись примитивно, механически. И, поняв, что его могут долго ещё не призвать на службу, а может произойти так, что и совсем не возьмут, — мать одна, болезненная, отец, фронтовик, умер одиннадцать лет назад, — Слава решил жениться.

Незадолго до свадьбы, молодые рискнули апробироваться. Девочка была во всех смыслах целомудренна и такой же бестолковой в интимных отношениях, как и её партнер, отчего — тут же поплатилась. Уличная академия подвела. А горячность, темперамент усугубили дело, и первый сексуальный опыт оказался драматичным, если не трагичным.

После больницы, в которой невеста пролежала больше месяца, она напрочь отказала жениху в замужестве. И как Слава потом её не уговаривал, не увещевал, — поскольку кое-что уразумел на будущее, так как тут сразу же появилось по данному вопросу много консультантов, — всё было напрасно. Невеста десятой дорогой обегала его.

И неизвестно, чем бы эта трагедия обернулась для него самого, чем бы кончились переживания, обида невесты на что, самоежество, если бы не медсестра того стационара, где оперировалась и проходила лечение его невеста. Медсестра была старше лет на пять, имела дочку, но не имела, на счастье, мужа. И она взяла на себя труд сексуального образования молодого человека. Её знания были куда глубже и многообразнее, которые Слава, каким бы он не был тупицей, постиг в совершенстве. Только после неё Слава понял, что вырастил в своём хозяйстве не гадкого утенка, — таким лебедем, или хотя бы его шей, можно только гордиться!

Теперь, за годы службы на заставе, он от этой женщины чуть ли не через день получал письма. И такие, какие, наверное, никто не получал из его сослуживцев. Но как бы не горячи, и не поэтичны были те письма, всё же душа Славика оставалась привязанной к той, которую любил и которой томился: к его девочке, к его невесте. Он ей писал. Он ей так писал, как писала ему та медсестра, может быть даже лучше, не стесняясь плагиата, используя в своих опусах чужие стихи и прозу, подбирая их из книг заставской скромной библиотеки.

Но нет и, похоже, никогда не будет ответа от неё, желанной, болезной, как и прощения за его невежество. Уж больно много он ей причинил страдания. И всё же в душе, он считал только её своей женой. И теперь ждал одного, счастливого случая — отпуска на родину. Хотя бы один в три года! И он не раз представлял, как войдёт к ней в дом, упадёт к её ногам и вымолит, выплечет прощения. Теперь он не тот желторотый юнец — мужчина!..

— Нет, товарищ майор, — ответил Слава грустно. — Не получилось.

Триполи хохотнул:

— Ему на кобыле али на корове женица надо. Нормальна баба ему тесный будет.
Солдаты рассмеялись.

Слава сорвал с плеча топор.

— Как дам меж рогов! — замахнулся он обухом. Рыжеватое лицо его вспыхнуло огнем.

— Но-но, шутка не понимаеш? — загородился автоматом Михаил, который держал до этого меж ног, как и все его товарищи.

— Тогда молчи громче, целей будешь.

Слава вновь повесил топор на плечо и насупился. Замолчал.

— А вы, Триполи? — спросил майор молдаванина.

— Холос, — ответил Триполи. — Куды нужна спешить?

Романов кивнул, но сказал:

— У меня служили молдаване. Но в основном, женатые. Полгода, год отслужат, и домой демобилизовываются.

— Почему? — спросил Бабенков.

— Они, как правило, перед армией по одному ребёнку имеют. А перед призывом ещё одного закладывают. Года не отслужил, глядишь, увольняется, как многодетный отец.

— Хитро...

— Два ребёнка, хм, эт-та хорошо, — задумчиво проговорил Михаил. — Меня женили, да я не схотел. Чево-то закуражился.

— Поди, невесту подобрали не чище лошади, — съязвил Урченко.

— Я её не видал. В город сбежал. На работу пошёл, на завод.

— Не переживайте. Успеете, женитесь.

«Бобик» приткнулся к берегу и остановился. Берег выходил мысом к реке и оттого был голым, снег небольшим слоем прикрыл галечник.

Майор вышел из машины и вызвал Морёнова.

— Слушаю, товарищ майор. — Юрий, выйдя вслед за майором, закинул на плечо автомат.

— Пойдёте со мной.

— Есть.

Они направились вглубь берега, обходя заносы. Майор шёл к месту встречи пограничных нарядов его и соседней заставы.

Пограничники вышли из «бобика» покурить. Но курева не было. Оно ушло на «трубку мира».

Глава 2

Ледовая купель. 1

Возвращались на заставу уже вдоль берега, по старым следам, по которым когда-то проехал Бабенков, доставляя наряды секрета. Ново-Советские острова оставались теперь с левой стороны.

— А вешки-то, кажется, стоят, — сказал Бабуля, кося глаза на острова.

— Ага, помогла, видать, трубка мира. Наш табачок, — поддержал разговор Морёнов, сидевший сзади него, опираясь левой рукой на поручень спинки водителя, другой, держа автомат между ног. Ему было жарко после ходьбы по снегам с начальником заставы. Он расстегнул полушубок до пояса, завернул клапана шапки наверх. Майор тоже расстегнулся на две пуговицы и ослабил шарфик.

— Надолго ли? — произнёс Славка Потапов.

Прокопенко ответил:

— На два дня.

— Почему именно на два дня? — майор повернулся к салону вполоборота.

Николай пожал плечами. С усмешкой ответил:

— Так один день на раздумье, второй на действие. Как этот фазан, в собачьей шапке, проведёт с ними политико-воспитательную работу, отодвинет миску с баландой, так побегут вешки ломать, как миленькие. Мало того, ещё комли выдолбят. Народ-то, видите какой, запуганный.

— Да нет, не станут, — возразил Морёнов. Не верилось в предсказание Прокопенко.

Лед был ровный, без выступающих торос, и Бабуля, радуясь возможности показать скоростные способности своего «бобика», прокатить с ветерком товарища майора, ратанов, вдавил педаль «газа» до самого пола. Даже у самого дух занялся.

— Ну вот, без четверти тринадцать, — сказал Романов, глянув на часы. — За три часа тридцать минут управились. — Сказал, словно извиняясь перед выходными.

— Да сейчас пообедать бы не мешало, — подал голос Урченко, — заморить червячка.

— Твой червячок, не прямой кишкой называется? — спросил Потапов.

Ратаны рассмеялись.

— Кривой, — буркнул Славик и отвернулся. «Что за народ, что не скажи, всегда подколупнут!»

У Савватеевского заливчика, почти напротив Ново-Советских островов, лед просел. Ледовая гладь лежала с едва заметным уклоном к заливу, и Морёнов, глядя на эту впалую ложину, вспомнил, что в прошлом году где-то здесь же провалился трактор «Беларусь». Долго, до самого лета белела его крыша из-под воды. Вспомнив, хотел напомнить об этом начальнику заставы, а больше Бабуле, чтобы тот не больно-то резвился, и не успел.

— Товарищ майор... — Майор обернулся.

В этот момент перед машиной сбросили бетонный блок (по крайней мере, так показалось). Машина, ударившись бампером во вдруг возникшую преграду, вздыбилась. Всё живое и неживое внутри салона устремилось по инерции вперёд. Майор головой разбил лобовое стекло. Прокопенко через откинувшуюся спинку пассажирского сидения, коршуном взлетел командиру на спину. Следом — на них вспорхнул Урченко. У Романова из глаз брызнули искры, а с лица — кровь.

Примерно тоже произошло и по левому борту. Лишь с той разницей, что Бабулю к окну не пропустил руль. Эта деталь автомашины оказалась настолько прочной, что едва не сплющила ему грудную клетку, водитель оказался между «молотом и наковальней» — спереди руле-

вая колонка, сзади — снаряд почти в два центнера весом, состоящий из совокупного веса трёх человек. У Бабенкова не только искры просыпались из глаз, но и дух вышел — он потерял сознание.

Получили ушибы еще двое: Морёнов и Потапов. Первому отбило левую руку и бок о дужку водительского кресла, отчего перехватило дыхание, и онемела рука. А Славку догнал обух топора, который исполнил угрозу своего хозяина и, конечно же, по невиновному. Топор, вместо Триполи, щелкнул Потапову по колену обухом, сорвавшись с плеча Урченко, и упал под ноги.

Когда машина встала обратно на колеса и закачалась, в передней части её, кроме пограничников, лежала и пустая фляга. Ее полет никого не обеспокоил. Она ядром пролетела по салону, стукнулась об оконный переплёт и легла между передними сидениями. Ломы же проявили сдержанность. Они лежали под лавками, и потому их движение было ограничено. Хлестнув задними концами по лавкам снизу, как змеи хвостами, они вернулись в исходное положение.

Словно отброшенные невидимой пружиной, солдаты отлетели назад на лавки. Ошалело закрутили головами.

Первым пришёл в себя майор.

— За мной! — просипел он сдавленно от боли и, выдернув несколько осколков стекла из переплета, нырнул в выбитое им окно.

Машина качалась на воде, словно на мягких пружинах. Из-под неё выныривали обломки льдин, шлёпала о борта шуга. Над полыньёй закурился парок.

— Чо?! Чо?! — невпопад спрашивал Урченко, и голос у него срывался на придушенный рёв.

Потапов зло стукнул ему в грудь кулаком и со стоном прикрикнул:

— Заткнись, мерин!.. — он держался за ушибленное колено.

Его толчок привёл Славу в движение, включил сознание. Он, расталкивая всех, устремился вслед за майором в окно. И застрял. Увидев перед собой разверзшийся лед, чёрную воду и плавающие льды, и льдинки на волнах, обезумел от страха. Заскулил, заторопился, но оставшиеся осколки стекла в окне сдерживали его толстый зад. В него из машины уперся Коля Прокopenко, а майор Романов, стоя одной ногой на льду, другой на капоте, тащил солдата за ворот.

С воплями, с матюжками Урченко удалось выдрать из окна, как через шинковку. Когда он, обезумевший и счастливый, стоял на льду, с его бедер, с шубы свисали клока. Следом за Славой из окна, без посторонней помощи, выскользнул Коля.

Возня возле единственного выхода продолжалась с полминуты. Но ждать, пока путь к нему освободится, было невтерпеж ожившим душам. Триполи подхватил топор с пола и в два приёма распорол над собой тент автомашины крест на крест, от трубки до трубки (ребра жесткости кузова). Бросив топор, встав ногами на скамьи, он, дрыгая ногами, ужом выполз на крышу. На четвереньках прополз по ней к переду машины, встал на капот, с него перепрыгнул на лед. Машина от его прыжка качнулась и осела ещё ниже.

Морёнов пришёл в себя. Но от ушиба в боку глубоко вздохнуть не мог, боль в рёбрах упреждала этот порыв. Не мог пошевелить и левой рукой. Правой же стал разминать грудную клетку, глядя в то же время на ноги Прокopenко, что выскользнули в окно. Хотел и сам последовать за ним, но на подоле его полушубка сидел Славка, обхватив колено.

— Ты чего сидишь?!.

— Не могу... Этот свинопас мне ногу разбомбил обухом, — простонал Славка, качаясь взад-вперёд.

— Некогда стонать! Лезь на крышу!.. — закричал Морёнов, увидев, как Триполи исчез в дыре.

Юрий схватил Славку под руку правой рукой и стал отдирать от скамьи. Потапов со стоном приподнялся.

— Славка, давай, давай! — застонал он от напряжения и боли в левой руке и боку.

Салон заполнялся водой. Она родничками процеживалась сквозь отверстия и не плотно-сти пола, бортов, дверей. Юрий, помогая Потапову, поднялся на скамейки, чтобы не замочить валенки, стоял в машине, согнувшись пополам.

Потапов выкинул руки на крышу кабины, подтягиваясь на них и упираясь здоровой ногой на руку товарища, вытянул себя из машины. Сел на тент. Перед ним раскинулась полынья, в которой плавал ГАЗ-69. От возни в машине, «бобик» мягко качался, и о его борта хлюпала вода, и стучали льдинки. Они, с причмокиванием ударяясь об машину, казалось, присасывались к ней.

Полынья была широкой, пугающая своей чернотой и холодом. С больной ногой такую пропасть не перепрыгнуть. Славка повернулся к переду машины — капот еще не погрузился в воду. С него на лед перепрыгивал Коля. Урченко и Триполи подхватывали его. Они уже втроем кричали Потапову:

— Славка, давай сюда! Скорей!..

2

Как только в дыре исчезли валенки Потапова, Морёнов ухватился за края тента, намереваясь выскользнуть следом. Бросил взгляд в салон и опешил — на руле лежал Бабуля!

— Эй! Вовка, ты чего?.. — позвал его Морёнов.

Но Бабенков молчал. С того момента, как машина провалилась в полынья, прошла, казалось, целая вечность, за это время из «бобика» все должны были разбежаться, как суслики из норы. Какого же черта Бабуля на руле разлегся? Оплакивает его что ли, родимого?

— Бабуля! Проснись, утонешь!..

Бабенков молчал.

Морёнов выглянул из машины наружу. На льду были все, кроме их двоих. Кричали ему:

— Морёный! Юрка! Скорее!.. Где там Бабенков?

Юрка увидел троих прыгающих, а Славку, сидящим на льду — он держался за ногу, за колено. Майор был в крови, и он вспомнил, что тот разбил ветровое стекло головой, и, как будто бы убедившись, что среди его товарищей действительно не достаёт одного, нырнул назад в машину. Бабуля лежал на руле, свесив вниз руки.

Согнувшись под тентом вдвое, всё так же стараясь не намочить валенки в воде, уже поднявшейся под самые сидения, Юрий прополз по лавкам к водительскому сидению. Схватил за ворот Бабенкова и откинул его вместе с водительской спинкой назад.

— Ты чего разлегся?!

Бабенков был бледен до синевы. От удара о спинку сидения у него открылись глаза до неестественных размеров, чем и напугали. Казалось, они вот-вот выкатятся из орбит. Глаза задергались, словно пытались свернуться с тех креплений, на которые были навёрнуты. Открылся и рефлексивно задергался кадык на худой шее, рот сделал взглатывающие движения на вдохе.

— Да очнись же ты!.. — Затряс его Юрка. — Очнись, Вова-а!..

Морёнов наступил на бидон, но тот вывернулся из-под ноги, — он уже плавал между сидениями, — нога соскользнула с него в воду. Поймав флягу за «юбку», он отшвырнул её в салон. Стоя одной ногой уже в воде, и довольно неудобно, (она попала между сидением и возвышением у рычага коробки передач), другой на пассажирском сидении, тряс Бабенкова за грудки. Вода уже проникла в валенки, вымочила ноги до колен. От холода Юрия передернуло.

Лицо Бабули начало принимать живой цвет, на щеках стал появляться румянец, а под глазами таять синева.

— Вова! Бабуленька, ну очнись же... Утонем ведь!

Юрий, не осознавая того, что тряска только на пользу человеку, у которого было сбито дыхание, и который находился в нокауте от удара площадью во всю грудь, торкал того об сиденье с отчаянием.

Бабенков, наконец, стал приходить в сознание, у него открылся «клапан», перехвативший дыхание, он с шумом втянул в себя воздух, и из глаз покатались слезы. Бабенков всхлипнул, застонал, положил на грудь руки, до этого безжизненно обвисшие.

Юрий облегченно вздохнул: ожил!..

— Вова, ты слышишь меня?

— Слышу... — простонал Бабенков, уже осмысленно глядя на товарища, глаза у него вздрагивали, как бы пульсируя под ударами сердца.

— Подняться можешь?

— Не знаю... Попробую.

— Пробуй, да живей! Не то задницу простудишь...

Но от первого же движения, горячий пояс боли стянул Бабенкову грудную клетку, и мышцы во всем теле ослабли. Занялся дух.

— Не-не могу...

— Давай вместе. Лезь в окно!

Юрий схватил его за борта полушубка, чтобы приподнять, и почувствовал, что левую руку напрячь в полную силу не может, — она ещё не отошла от ушиба. А в кисти правой руки больно хрустнули два фаланга на двух нижних пальцах, они не успели собраться в полный захват, в кулак. Он простонал:

— О-о!.. — затряс кистью. — Бабуля, да пошевелись ты!

Сквозь слезы в глазах, Вове показалось, что в окно льется вода.

— Поздно, Юра... — выдохнул он обречено.

В валенки зачерпнулась вода, обожгла его холодом.

— Вовка, давай в дверь!

Юрий лег на ноги Бабенкову и уперся руками в водительскую дверцу. Бабуля нажал на дверную ручку.

Со льда с ужасом смотрели на машину, которая, покачиваясь, медленно оседала, кренилась носовой частью в воду. Ещё немного, и машина уйдёт под лёд.

Дверка медленно подалась. Ещё усилие и она открылась на дюйм. Но в эту щель хлынул каскад воды и льда, который, показалось, сам распахнул дверь. В лицо ударила волна, плеснулась за борта, за шиворот полушубка, обожгла холодом уже сверху. Юрий откинулся назад, задохнувшись на секунду. Но тут же уперся в бок Бабенкову и стал выдавливать того из машины. Бабуля со стоном, преодолевая сопротивление воды, цепляясь за верхнюю кромку двери и крыши, выскользнул из машины боком. Со льда к нему уже тянулись руки.

Машина, зачерпнув дверным проёмом воду, потеряв равновесие, быстро, боком пошла ко дну. Из двери, из ветрового окна и из потолочной дыры обрушился внутрь машины водопад. Юрий резко выпрямился и стукнулся головой о трубку, и почувствовал, что без шапки.

Потерял? Когда?.. Где?.. — гадать было некогда.

Льдинки вращались в водовороте, что образовался в машине от двери до дыры вверху, больно били по голове, по лицу.

Но поток неожиданно ослаб. Машина коснулась вначале углом распахнутой двери дна, затем колесами, выровнялась и встала на грунт, подняв со дна ил. Серое облако окружило «бобик», но эту муть тут же потянуло под лёд течением.

Солдаты и майор оторопело смотрели на то место, куда осела машина. Тент её был виден, видна была дыра, похожая больше на чёрную обмахрившуюся трещину, из которой выходили

последние остатки воздуха, льдинки. Пузыри всплывали, раздвигая щель, и, утробно булькнув, лопались.

За каждым шаром ожидали появление головы, такой же белокурой, как и эти воздушные шары. Но проходили секунды, как вечность, а из щели не появлялось знакомого очертания. Из дыры машины начала выливаться илистая муть.

— Юрка-а!! Юра-а!! — взвыл Потапов, подползая на заднице к кромке льда. Казалось, ещё мгновение и он спрыгнет на крышу машины.

Бабуля, держась за грудь, при каждом вдохе болезненно морщился, словно то, что вдыхал, было наполнено колючими кристалликами льдинок, и они распирала её. Возле него хлопотал Прокопенко. Он помогал ему отряхнуться от воды. К счастью, шапка у Бабули была сухая, или почти сухая, на ней только сверху серебрились капли воды, успевшие примерзнуть. Николай встряхнул ушанку и тут же натянул хозяину на голову. У полушубка была сырой только нижняя часть. Коля стряхивал рукой с него воду.

Бабенков всхлипывал, подёргивал головой и смотрел испуганно на воду. Прокопенко тоже замедлил работу, замер. Урченко двигался у края полыньи, прихлопывал рукавицами по бокам. Казалось, ещё немного и он закудахчет, как наседка от испуга за своего купающегося цыплёнка. Майор Романов побледнел. Пальцы, держащие платок у лица, сжались, и по ним стекала кровь.

У майора, некстати, в мозгу промелькнули самые разные мысли о Морёнове. Пелевин, парторг заставы, говорил о нём, как о находчивом пограничнике, отзывчивом человеке, всегда готовым прийти на выручку товарищу. Его мнение разделял и Магда. С чем и он был всецело согласен, отчего во многом доверял ему. А тут такая нерасторопность! Однако, капитан Муськин другого мнения о нём: не комсорг, а сплетник; не солдат, а размазня... За три месяца так хорошо узнать человека? — молодец замполит! Через какую лупу разглядел?..

Нет, ну чего он там? Морёнов!!

— Морёнов! Немедленно покинуть машину! — приказал майор, и сам почувствовал нелепость своего приказания. Что солдат может слышать сквозь толщу воды?

Но это была не команда, крик души, страх за солдата. К черту! Какие тут могут быть сейчас характеристики?!. Солдата надо спасать! Романов стал расстегивать португую, заучено и быстро.

Бабенков бормотал:

— Он меня вытолкнул, а сам... сссам ттамм...

Морёнов рвался к дыре из последних сил, но валенок, попавший между шахтой коробки передач и пассажирским сидением, сдерживал. Юрий дернул ногой раз, другой и понял — это конец! Им стала овладевать паника, а холод довершал её. От холода спёрло дыхание, что, возможно, и к лучшему — он не глотнул воды. Ухватившись руками за верхние трубы — ребра жесткости автомашины — и, упираясь левой ногой в спинку одного из сидений, тянул правую ногу из валенка — валенок и портянка от сырости внутри словно приклеились к ноге.

То ли он стал галлюцинировать, то ли на самом деле кто-то, или что-то подплыло к его уху и спокойным голосом, до радости знакомым, сказал:

— Юраня, я тебе помогу. Спокойно, вытягивай ножку...

Мамин голос! И он как будто бы почувствовал себя спокойнее, прояснилось сознание

Юра последовал совету, и потянул ногу из валенка медленно, но уверенно, без нервной торопливости.

Как только нога освободилась, его как будто кто-то невидимый подбросил вверх и вытолкнул пробкой из машины.

Оживились все, завидев белокурый шар в трещине. И та, словно рожая, медленно разверзаясь, выпускала из чрева на свет божий вначале пузыри воздуха, муть, а за тем — заново

рождённого. И человек, ослабленный, мокрый, выходил из неё с муками, цепляясь руками за неровные, уже обмахрившиеся края тента.

Юрий вынырнул, ошалело завертел головой, хватая ртом морозный воздух, а, глотнув его, разом захлебнулся, ослаб, закашлял и оттого с трудом подтянулся, сел на бровку тента, не вынимая из дыры ноги. Вода ему была на уровне пояса. По голове, по лицу стекали струи, а вместе с ними слезы, вдруг так неожиданно прорвавшиеся из глаз. Он счастливо улыбался, глядя на своих товарищей, плакал и видел их в мутной пелене.

Вначале солдаты вздохнули от облегчения и от радости. Урченко даже нескладно подпрыгнул, хлопнув себя по бокам. Славка стянул с головы шапку и вытер ею лицо. И случайно всхлипнул. Бабуля, тот откровенно плакал и смеялся. Но затем, как стоворились, все замолчали, интуитивно почувствовав состояние Морёнова.

Холод вывел Юрия из стресса. Уши и шея окатило морозом. С головы его курился парок. Он задрожал от холода.

— Рядовой Морёнов! Юра, немедленно выходи на лёд! — не приказывал, вызывал Романов солдата.

Солдат кивал головой, соглашался.

— Сча-азз... — стучали зубы, а сдвинуться с места не мог.

Наконец он отжался на руках о тент и извлёк ноги из машины.

Перепрыгнуть полынью было невозможно, кругом была чёрная вода. Юрий, елозя на заднице и помогая руками, цепляясь под водой за тент, пополз к переду машины. В воде мелькала его серая ступня в носке. Опустил ноги с крыши на капот, и чуть было вновь не погрузился в воду с головой, — попал ногами в разбитое окно. Успев отклониться назад, он перенес ноги дальше, нащупал капот. Встал. Осторожно побрел по капоту к кромке льда.

На льду его ждали, тянули к нему руки. И, как только Юрий подошёл к краю полыни, разгребая перед собой шугу, его тут же схватили за руки и выволокли на лед. Положили и отклонились в странном изумлении, как будто перед собой обнаружили кого-то из ластоногих — он был без одного валенка! Даже отсутствие шапки, так не шокировало. На ноге Юрия был лишь серый от воды с белым ободком шерстяной носок, один из тех, что мать ежегодно присылает ему на зиму.

Но как быть без обуви на льду? Босиком?!

Майор Романов стал стаскивать с себя шарф.

— Триполи, отжимайте на Морёнове одежду! Урченко, бегом в Ново-Советское! От Щукаря дозвонитесь до заставы. Пусть дежурный немедленно высылает ГАЗ-66. — Давал распоряжения Романов. — Пускай в кузов набросают сена и тулупы. Обязательно две пары сухого обмундирования. Выполняйте приказание!

— Есть!

— Да. Деду скажите: пусть нам навстречу выедет на подводе.

— Есть!

— Бегом!

Урченко нескладно развернулся, и такими же скачками, какие проделывал вокруг полыни минутой раньше, поскакал к берегу, как большой ребёнок на палочке-скакалочке верхом, что невольно вызвало усмешку.

Майор наклонился к Морёнову. Снял с его ноги мокрый носок, отжал и сунул его Юрию в карман полушубка. Обжал брюки до колен, затем аккуратно и плотно стал своим шарфом обматывать ногу солдату. Тепло шарфа приятно обволокло ступню, и у Юрки отчего-то запершило в горле, защипало глаза, и он, всхлипывая, стал зачем-то оправдываться:

— Вваленок, товвваррищ майоор, заккллинило... Я его тттяну, а он нникккак, — говорил он, дрожа. — Я... нне ммог...

— Ладно, ладно, тэзка. Жив, и на том спасибо, — отозвался майор. — Побереги силы.

Славка натягивал ему на голову свою шапку, завязывал под подбородком тесёмки. Прокoppenko надевал свои рукавицы на покрасневшие руки Юрия. Потом, сняв с себя валенок и размотав с ноги портянку, стал наматывать её на шею Морёнова вместо шарфа. Славка вначале удивился тому, что проделывал Коля, даже хохотнул. Но тут же стянул валенок со своей здоровой ноги и сдернул с неё портянку. Валенок натянул обратно на ногу в шерстяном носке.

— Товарищ майор, — подал он Романову, — возьмите, обмотайте её поверх шарфика.

Майор согласно кивнул, принял портянку.

Славка, преодолевая боль в ноге, снял и с неё валенок. Размотал портянку. И вновь подал Романову.

— Товарищ майор...

— Минутку...

Майор стянул с ноги Морёнова уцелевший валенок. Вылил из него воду. Снял носок и так же, как первый, отжав, сунул его Морёнову в другой карман полушубка. Стал оборачивать ногу портянкой, принятой от Потапова. Затем натянул на неё сырой валенок.

Бабенков, подрагивая, смотрел на происходящее, не в силах сойти с места, оторваться ото льда. Он понимал, благодаря чьей помощи сейчас находится здесь, на льду и кому, возможно, обязан жизнью. Ему было холодно. Вова шмыгал носом. Голову он не намочил, шапка была сухой, тёплой. Ватные штаны, которые он всегда надевал, — машина холодная, да и мало надеялся на её нормальную работу, больше, пожалуй, приходилось крутиться вокруг неё, а то и под ней, — не успели до конца промокнуть, лишь кое-где охладили, а благодаря тому, что валенки плотно надеты на ватные брюки, вода в них не набралась, и они обледенели лишь с внешней стороны.

Под полушубком ватная фуфайка, заправленная в ватные штаны, под ремень, местами промокла, охладила и, тем не менее, он сознавал, что чувствует себя комфортнее своего товарища, и подрагивал, скорее, из сочувствия к нему. Как тому сейчас холодно!.. Но сдвинуться с места и подойти к нему, принять посильное участие в его переодевании не мог. Прилип ко льду. Боль в груди притихла, осталась тяжесть и эта тяжесть, словно вода, зачерпнутая в полынье, сейчас вытекала из глаз, из носа, и он вытирал эту мокроту ладонями, кулаками, и руки у него зябли. Он втягивал их в рукава, но и в них, сырых, им тоже было холодно.

3

Во второй половине дня погода почти не изменилась. Возможно, похолодало или, быть может, так казалось, находясь на открытом месте, незащищенном от хиуса. Он протягивал по льду не слежавшийся снег, и эти лохматые кудели появлялись всюду, догоняя одна другую, прибавались к торосам, к снежным подушкам, к людям, копошащимся на льду.

На воде в полынье уже появлялась матовая корочка наледи, и белая крупа просыпалась на неё. Солнце ещё светило, но было в туманной поволоке. За каких-то двадцать-тридцать минут, прошедших с момента крушения, день, казалось, сократился на два-три часа. Савватеевская коса, что была рядом (глядя на неё из машины), за которой находилось село Ново-Советское, теперь как будто отдалилась, и представлялось, угрожающе далёкой.

Майор Романов прикинул расстояние: километра два, а то и с гаком...

— Бабенков, вы чего стоите?!. — крайне удивился Романов, увидев солдата. — Почему не бежите в село? Бегом!

— Я... Я прилиппп, товварищ май-еор, — дрожа от холода, задержал Бабенков ногами, которые стояли в центре заледеневшей лужи. Замерзшие руки он отогревал дыханием и трением одной руки о другую.

Майор вскинул взгляд на Триполи.

— Триполи, помогите товарищу! Да сами смотрите, не прилипните.

Михаил подошёл к Бабенкову. Тот ёрзал на месте. Низ полушубка на нём побурел, и на подоле уже обвисла бахрама сосулек.

— Ну, Бабулка, дэжиса!

Михаил, наклоняясь, ухватился руками за правый валенок и стал с силой тянуть его, расшатывая из стороны в сторону. Бабенков, боясь упасть, обвис на плече товарища.

— Ай-яй!.. Ай-я-яй! — шептал Бабуля.

Михаил оторвал вначале правый валенок, затем левый и перенёс товарища на другое место. Поставил на снег. На прежнем месте остались тёмные следы от валенок с одной подошвой от пятки.

— Пришшивать бушш, — сказал Бабенков, дрожа.

— Ага, щас. Дратва только насучу. Нá вариги, — подал Вовке свои солдатские трехпалки.

— А ты?

— Перебьюса.

Тем временем было закончено одевание Морёнова. Потапов и Прокопенко, как из скорлупы, извлекли Юрия из полушубка, который уже задубел и прилип ко льду, перенесли парня на сухое место, поставили на ноги. Славка сбросил с себя полушубок и надел на Юрия. Майор приказал:

— Наряд, слушай мою команду! Марш бросок до села Ново-Советское. Бегом, ма-арш!

— Лицо его было бледным, правая сторона, от виска до подбородка, изрезанна, иссечена, в крови, и на щеке зияла широкая рана. Он вновь достал из кармана галифе платочек и приложил его к щеке. Она мерзла. — Прокопенко, прихватите полушубок Морёнова.

Солдаты, наволновавшиеся, охваченные теперь единым желанием поскорее добраться до жилья, бежали по льду широким шагом, бежали гурьбой, стараясь не выпускать друг друга из вида. Сбоку, немного сзади, бежал майор. У всех отсутствовали автоматы. Остались в машине.

«Не беда, достанем. Главное, все живы». — Романов беспокойно поглядывал на испавшихся.

В суете, в хлопотах возле Морёнова, боль в ноге как будто бы приутихла. Нога сгибалась и, казалось, ещё немного, и она совсем перестанет болеть. Поначалу так оно и было. Славка ходко взял с места, подхватив за локоть Юрия, увлекая его за собой. Но чем дальше, тем все острее стала чувствоваться боль, словно на месте ушиба вскрылась рана, горячая, ноющая. То ли от неё он вспотел, то ли от бега, но ему стало жарко и без полушубка. Под гимнастеркой у него был свитер, нательная рубаша и майка.

Юрий вначале не мог сдвинуться с места. Дрожь, судороги, охватили тело, сковали его. И только сила Потапова, с которой тот поволок Юрия, привела организм в движение, у него постепенно заработали суставы, мышцы. И он начал набирать темп бега, согреваться, и вскоре догнал Бабенкова.

Бабенков бежал, дырявая пятка мелькала из-под полушубка. Холодившая местами одежда теперь уже были согрета от температуры тела, и он чувствовал себя бодро. Грудь отложило, дыхание восстановилось. Но он подкашливал, прикладывая руку к груди.

— Ну, как ты, Вовочка? — спросил Юрий. — Очухался?

Бабенков повернулся, при этом, как обычно при взгляде, дернув головой, чему Морёнов улыбнулся, как доброму знаку.

Вовке хотелось сказать что-то душевное, благодарное, но как всегда красноречие нас покидает в минуты признательности, и он выдохнул с одышкой.

— В порядке, спасибо, ратан...

Какое-то время бежали вместе.

— Как ты, Юра?

— Да как? Как видишь, живой, жабры сушу, — и добавил с усмешкой: — Бегу по льду, как по горячей сковородке.

Бабенков посмотрел на его обувь, на портянку, лепешками пристывшего к ней снега и льдинок от остатков стекающей с галифе воды. Сказал ему: — Беги! — и подтолкнул.

Полушубок Морёнова, пока лежал на льду, задубел. Прокопенко нес его под рукой, как доску, и тот поскрипывал, лёд на нём похрустывал. Коля и Михаил бежали чуть сзади от Бабенкова и Морёнова, с боку.

Потапов перешёл на шаг. Отстал.

Романов остановился.

— Потапов, бегом! Не останавливаться.

— Не могу, товарищ майор. Нога разболелась, — ответил Славка, морщась и поглаживая большое колено.

— Что с ней?

— Да этот, мерин, топором по ней звезданул, обухом.

— Какой ещё мерин? — не понял майор.

— Рядовой Урченко. Он держал топор на плече, а когда машина въехала в лёд, тот спрыгнул с плеча и саданул мне по ноге.

Романов от досады выругался в душе, тоже обозвав Урченко меринком. Его беспокоили бежавшие впереди, но они, слава Богу, бежали, следовательно, согревались, а этот...

Потапов был без полушубка, без шапки. На короткой стрижке уже серебрился нежным пушком иней и уши, похоже, прихватило. Солдат, видимо, не почувствовал этого.

— Ну-ка, постойте, — майор подошёл к нему и спрятал платок в карман. Сняв меховые перчатки с рук, и сунув их на борт полушубка, приложил ладони к ушам Потапова. Солдат было заупрямился, хотел вывернуться, но майор поймал в горсть уши. — Стойте, Потапов! Отломятся уши.

Левое, сильно прихваченное ухо, начало отходить и до того больно и хохотно, что не было никакой мочи сдерживать эти муки. Он, похохатывая, стонал, подергивал ногами на месте.

— Терпите, терпите, сейчас пройдёт, — успокаивал Романов.

После отогрева ушей, майор снял с себя шапку, распустил клапана и нахлобучил её солдату на голову. Его ушанка была немного шире и накрыла голову Потапова до самых бровей.

— Товарищ майор, зачем?!

— Молчите, Потапов. — Романов расстегнул португую, подал Потапову. — Подержите. — Затем, расстегнув полушубок, снял его. — Надевайте.

— Товарищ майор!.. — удивился ещё больше Славка, и хотел было увернуться от полушубка, упавшего ему на плечи, но боль в ноге не позволила ему этого.

— Потапов, я в кителе, в свитере и я могу бежать. Вам же, до появления подводы, идти пешком. Одевайте. Я вам приказываю!

Романову щипало морозом раны на лице, и он нервничал. Не дождавшись, когда Потапов наденет полушубок, приложив к ранам платочек, и, забрав у солдата португую, побежал догонять ушедших вперёд солдат.

Славка, растерянно и смущённо глядя ему вслед, медленно просовывал руки в рукава полушубка. Тепло офицерского полушубка проникало, казалось, в каждую клеточку, до покалывания в уголках глаз.

Ещё издали майор крикнул:

— Рядовой Триполи! — Тот обернулся. — Останьтесь с Потаповым.

Триполи удивился, увидев майора раздетым, без шапки. Смуглое лицо солдата, лоснившееся от пота, вытянулось, и он вместо ответа: — Есть! — сказал: — Ланна. — Тряхнул головой и, оглядываясь на командира, пошёл обратно.

Слава Урченко торопился. Как он спешил. После пережитой катастрофы и выйдя из воды сухим, им овладело лихорадочное состояние, радость на грани эйфории. Он каждому хотел помочь, каждому чем-либо услужить, особенно перед искупавшимися, вернее, пострадавшими. Ему было стыдно за свой страх, за то, как он выскакивал из машины. Это чувство теперь заставляло его суетиться, проделывать почти не контролируемые телодвижения. Что сейчас его ещё больше смущало. Наверное, поэтому был так обрадован приказу майора и с искренним желанием поспешил его выполнять.

Слава шёл, охваченный тревогой за пострадавших и благородным порывом. Получив приказание, он метнулся к берегу, где, как помнится, была конная дорога вдоль Уссури до реки Хор. По ней ездит Шукарь и летом ходят пограничники на фланг. Сам последний раз здесь прошёл осенью, ещё до снегов. Тогда ноги стоптал, казалось, по самую задницу. Полста километров, даже один раз в месяц — это уж слишком. Пушай его меряют кони. И всякий раз на боевом расчёте замирал, боясь услышать свою фамилию в списке пограничного наряда с направлением на левый фланг. И проносило. Правда, не совсем — «колуном» по заставе на три часа, или в сержантский, а то в офицерский наряд младшим нарядом на час-другой его назначали. Но это — что? — ерунда. Да и нельзя его дольше использовать. У него хозяйство: лошади, коровы, поросята, те же куры, в конце концов. У Сапеля котельная, вода для хозяйственных нужд. Но это зимой, а летом-то Ванюшу можно гонять, ноги молодые, длинные. Ишь, пристроился. И без него обойдёмся.

Слава торопился, полагая, что по дороге быстрее доберётся до села, дорога срезала косу и выводила напрямую к дому Шукаря. Потому-то и попёрся прямо со льда на берег, и пропал по сугробам добрых полкилометра. Но дороги не обнаружил, к своему разочарованию и к стыду. Не было и лыжных следов, где могли бы проходить пограничные наряды. Забыл, что зимой пограничные наряды ходят на лыжах вдоль фарватера или вдоль берега и по льду. По льду же на своей лошади ездит и Шукарь.

Всюду лежал снег и чем дальше, тем всё глубже и тяжелее. Слава стал уставать. Но самое трагичное было в том, что он, кажется, слишком надолго задержался в снегах, не выполнит приказ, не выслужится, не заслужит уважения ни командира, ни товарищей. А это грозит многими неприятностями...

Чтобы совсем не заблудиться, Слава повернул на 90°, поскольку знал, где село Ново-Советское, и брёл по вероятному направлению. Уже вызвали беспокойство и надвигающиеся сумерки. Солнце зашло за облака и сразу посерело, приблизило вечер. Кажется, он придёт как раз вовремя.

А сумерек, особенно ночных, Слава на границе побаивался. На первой же неделе, по прибытии из карантина на заставу, он обнаружил в себе эту слабость, и досадно, что это открытие стало достоянием всей заставы. За что Славу какое-то время звали Мушкой-Минск.

...Наряд среди ночи возвращался с короткого двенадцати километрового правого фланга на заставу. Слава шёл сзади, замыкающим. Перед глазами всё сливалось, или расплывалось в ночной тьме. Дорога временами проваливалась, и он едва успевал удерживаться на подламывающихся ногах. Встряхивался от сонливой одури. И вновь продолжал движение. Иногда наткнулся на деревья, кусты, больно оцарапывался. Таким он даже пьяным себя не припомнит. И, разумеется, не мог следить за местностью.

Поскольку Урченко физически казался крепким и по годам равный «старикам», старший наряд, Валера Богомазов, поставил его сзади из соображений безопасности тыла.

А где-то впереди наряд поджидали. Когда прошёл замыкающий, из высокой травы поднялись и пошли следом. Долго ли, коротко ли за ним шли по пятам, Слава не слышал. А его движения наводили на кое-какие подозрения: не пьян ли пограничник? Проверяющий догнал замыкающего и положил ему руку на плечо. У Славы в мозгу произошло замыкание, он потерял всякое осознание реальности.

— Мушка-Минск! Мушка-Минск! Мушка-Минск!.. — лепетал солдат пароль, топоча перед какой-то тенью.

Проверяющий, а им оказался капитан Вахрушев, штабной офицер из отряда, сам оторопел.

— Товарищ солдат, — встряхнул его офицер. — Очнитесь!

Разговор сзади услышал старший пограничного наряда. Подав условный сигнал переднему, Богомазов поспешил к замыкающему...

И особенно контрастно стал выглядеть этот эпизод на фоне другого случая. Где-то через недели полторы, когда Сережа Сарванов, мальчик, на три года младше и росточком малёхонький — метр с шапкой, — разложил очередного проверяющего перед собой, перебросив того через себя. Уже этому офицеру, перед дулом автомата, самому пришлось вспоминать пароль и ответ.

«А почему не он? Почему?..» — вздохнул Слава. Славу силёнкой природа не обидела. Мог бы скрутить и пару таких, как Вахрушев, как казалось. Однако... Сколько колкости, насмешек пришлось пережить, косых взглядов. С ним даже в наряд не хотели ходить. Прямо никто такого не высказывал, но он-то чувствовал, он не дурак. Пограничный наряд — это та же разведка. Никогда не знаешь, что тебя ждёт на границе. Тут абы с кем не пойдёшь.

После того случая начальник заставы, в то время капитан Хабибуллин, Урченко стал чаще использовать на хозработках, где он так и прижился. Благо, что кое-что понимал в крестьянском хозяйстве. И теперь, если здраво рассуждать, то, что лучше: фланги мерить или коров доить? Кур щупать?.. А самолюбие... Да хрен с ним, пережили, и дальше как-нибудь переживём. На хозработках тоже кому-то надо, и притом с понятием. А почему не ему?..

И всё-таки на душе иногда свербело, испытывал некоторую неловкость перед товарищами, и оттого иногда переживал, что у него всё что-то не так. Занимается не тем, служит не по назначению, и обязательно на чём-нибудь да прокалывается.

— Ну, вот какого чёрта меня понесло по сугробам? Где дорога, язви её?! Что я товарищу майору скажет? Как буду выглядеть перед ребятами? И пошто мне так везёт в жизни? Как прокажённому...

5

— Морёнов, Бабенков, не останавливаться! Бегом, бегом! — торопил майор.

Прокопенко отстал. Он уже выдохся. Но Романов не торопил его: дойдёт, добредёт. Этот не из купели. И помогал пострадавшим, подталкивал их.

— Вперёд, ребята, вперёд!

Майор с тревогой посматривал на портянку на ноге Морёнова. Она отсырела и ослабла, и кое-где пузырилась. В эти пузыри набивался снег.

Они уже были за косой. Оставалось бежать может быть метров шестьсот. Но за косой, на открытом месте, ветер ощущался ещё острее. За бегущими людьми он тянул по льду тонкую позёмку снега, заметал следы. Дул навстречу, в лицо. Пробирался под одежду, студил галифе, мокрые кальсоны и то, что в них. Морёнов, засунув руку в ширинку, согревал ладонью хозяйскую часть, она замерзала, особенно поплавок. Обмёрзшие брюки-галифе начали ломаться в местах изгибов, похрустывать.

Но солдаты настолько вымотались за этот спринтерский рывок, что уже едва передвигали ноги. И если бы не майор, давно бы перешли на шаг. Романов подталкивал: вперёд!..

Но где же Урченко? Они уже скоро сами доберутся, и без подводы. Нет, Потапова надо, наверное, вести. Как Потапов его назвал? Мерином?.. Что-то в нём есть такое...

— Бабенков, Володя! Вперёд! — прикрикнул майор.

— Тов... товварищ май-ёор, я... всё! Выдохся и засох, — тяжело проговорил Бабуля.

— Владимир, не раскисай! Будь мужчиной.

Романов повлёк за собой солдата, подхватив его рукой, которую освободил от портупей, — во время бега надел её. Другой рукой придерживал платочек у щеки. Бабуля заплетающимися ногами едва поспевал за ним.

Морёнов бежал. Бежал тоже из последних сил. Кажется, и второе дыхание уже было на исходе. Несмотря на портянки и шарфик майора, ступни мёрзли, а если остановится, то это будет — прощайте детские забавы и взрослые, пожалуй, тоже! Он только дважды призамедлил бег, чтобы обернуться: как там Славка? Славка был одет в одежду майора, и он был не один.

Как на смех, к дому Щукаря они подошли разом. Майор с купальщиками и Слава Урченко. Слава даже опешил, когда вывернул из-за угла огорода. Встал едва ли не по стойке «смирно», и зачем-то потянулся рукой к шапке, не то для отдания чести, не то для доклада о выполнении приказа.

Майор тоже приостановился. Перед ним стоял солдат, потный, красный, и тяжело дышал, раздувая широко ноздри тонкого, хрящеватого носа.

— Урченко, вы откуда?

— Я, товарищ майор, заблудился... в снегу завяз... — проговорил Урченко, облизывая пересохшие губы. Подбородок и губы его подрагивали, как у лошади. Мерин...

Майор брезгливо хмыкнул.

— Стучите, Урченко! — кивнул Романов на ворота, едва сдерживаясь от негодования.

— Есть! — Слава чуть ли не с разбега пнул ногой в дощатую калитку и отшиб пальцы, закусил нижнюю губу.

Во дворе лаяла собака.

Бабенков и Морёнов привалились спинами к воротам и обессиленными, обвисшими руками стучали в доски. Но их удары вряд ли могли быть услышаны домочадцами, и они с надеждой смотрели на Славика и чему-то улыбались. И Слава старался. Бил в ворота и пятками и носками валенок — ворота гудели. Собака надрывалась.

Такое нашествие могло бы поднять и мёртвых.

Дом единственного жителя села располагался не на самом берегу, он был выше. Вдоль по берегу сохранились ещё заборы, останки некоторых торчали из снега: кольями, концами жердей. Кое-где виднелись какие-то неказистые сооружения, которые уже трудно было назвать домами, не говоря уж про сараи. Стояли одинокие стволы от русских печей. В бывших усадьбах покачивались голые ветви кустарников: калины, рябины, черёмухи.

Было бы очень тоскливо, окажись человек в таком месте один, да ещё в таком затруднительном положении, как майор со своими пограничниками. Неоткуда позвонить на заставу, негде было бы обогреть солдат. Служебная связь на флангах только ракетами. Но где гарантия, что часовой по заставе увидит их за двадцать километров и потом, какими опознавательными сигналами объяснишь случившееся и какие нужны средства для спасения их душ? И ракетница вместе с автоматами осталась в машине. А ведь умри старики или вдруг переедут куда-нибудь, и последняя ниточка связи оборвётся на левом фланге.

Майор перевёл взгляд на солдат, привалившихся к воротам, и почему-то подумал, что повезло им. Повезло, что Щукарёв ещё жив. Романов оглядывал пустую округу и отогревал ухо кожаной перчаткой на левой руке. Правую, с платком, он не отнимал от щеки.

Да, счастливых, действительно, приняли радушно. Щукарёв — это был вовсе не тот легендарный, Шолоховский Щукарёв, каким его показывают в кино, и которого автор колоритно описал в своём романе. Может быть, ростом и телом он и соответствовал персонажу, но тот жил среди людей и потому был изворотливым, хитреньким и сам себе на уме. Этот же Щукарёв, хоть и был словоохотливым и выглядел шустрым, однако, сущность его была бесхитростной, добродушной, и все порывы души искренними. словно многолетнее одиночество выхолостило из этого человека всю житейскую хитромудрость, оставив счастливое, исконно человеческое начало: доброту, отзывчивость, радость от встречи с человеком.

Но больший интерес вызывала его жена.

6

Завидев из замороженного окна майора на улице раздетым, с красным платком у лица, старик встревожено вскрикнул:

— Ты гля, што деется? Товарищ маёр пораненный!

И, как был в старенькой меховой безрукавке, в обрезанных по щиколотку чунях (валенках), выбежал на двор.

— Пиратка, замолчь! Это свои...

Тонкий хрипловатый голос старика обрадовал пограничников, а Урченко прикрикнул:

— Дед, открывая живей! Не то дуба дадим тут. — И уже не пнул, а шлепнул по калитке ладонью в трехпалой рукавице, словно погладил.

— Счас, счас, ратанчики... — дед отложил засов и распахнул воротца. Ахнул: — Ах, батюшки! Ратанчики, да это где ж вас так, а? Неужто хуньвиньбиньчики побили? Товарищ маёр, а?

Майор проталкивал во двор вперёд себя Морёнова и Бабенкова. Следом входил сам. Урченко вошёл за ними.

— Под лед провалились, отец, — сказал Романов. — Нужно их отогреть, — кивнул на солдат. — У вас есть спирт?

— Есть-есть! Постарше спирта сыщем. Проходите, проходите в избу. Первак! Горит невидным пламенем. Я им пользуюсь при натирках. Когда заместа керосина. Такая штука, доложу я вам, ммых! — балаболит Щукарь, провожая гостей в сени, от времени уже осевшие, с покосившимся крыльцом. («Надо будет старику помочь, летом перестроить крылечко, сени. Может и домик подправить, — подумал на ходу Романов. — Трофимова, Пляскина, Урченко, Киняпина подошлю.») — А ты успокойся, Пиратка, это не хуньвиньбинь. Это наши, ратанчики-пограничники, — старик мягкими движениями рук, как гипнотизер, осаживал собаку, натянувшую цепь в струну. Пират издавал звуки, похожие на чихание, кашель.

Из сеней вошли в просторную кухню, совмещенную со столовой, где под красным углом стоял самодельный стол, угловые лавки вдоль стен. Пол застелен самоткаными дорожками светлого цвета и одна бордового, выходящая из горницы к столу.

— Вот, Уссуричка, ратанчики-погранцы, — заговорил Щукарь, но так, как будто бы разъяснял жене ситуацию. — Надо растирку. Они, ето-того под лёд угодили. Их какая-то нелегкая туда сунула, будь она неладна! Их обогреть надо. Ты уж, Уссуричка, порассторайся, ага. И товарищ маёр, пораненный он.

От окна, навстречу гостям, подалась женщина. Это была китаянка, невысокого роста, ещё не старая. Моложе своего мужа, которую Щукарь назвал не по имени, а по названию реки — Уссурийка, Уссуричка.

Хозяйка и без того уже видела, кто пожаловал в гости и поняла, что что-то произошло неладное с пограничниками.

— Здравсте. Проходите, пожалиста, не стойте у порога, — с поклоном сказала китаянка.

Она подошла к Морёнову и потянула его к лавке у русской печи. Но прежде, чем хлопотать над ним, обратилась ко всем:

— Раздевайтесь, пожалиста. Скидайте с себя одежды, пожалиста. Не стойте, пожалиста.

Бабенкову дважды приглашение повторять не понадобилось. Он прямо, где стоял у порога, стал снимать с себя полушубок, хрустя петлями. Сбросил его, и тот, простучав лыдинками на подоле, повалился снопом на пол. Затем сел на порожек и стал стягивать с ног валенки. Сырые голенища пристыли к ватным штанам, не снимались.

— Урченко, что стойте? Помогите товарищу!

Славу словно подрубили, он упал на колени перед Бабулей.

— Отец, у меня к вам большая просьба, — обратился майор к Щукарю. — У нас там, на льду ещё один пострадавший. Не могли бы вы съездить за ним на своей лошади?

— Да как же? Вот те раз! Да я ж мигом!..

— Возьмите вот этого солдата, — майор кивнул на Урченко. — Он вам поможет запрячь. Очень способный человек.

— Это зачем? Это совсем не нужно. Я сейчас, я сам. Он пушай отдыхает. Вон, тоже какой взопревший.

Урченко, сняв шапку, был с потной головой.

— Ну что же, пусть сохнет, — майор отвернулся от него.

Щукарь засуетился у вешалки, надевая свой старенький, потемневший дочерна от времени овчинный полушубок. Наказывал жене:

— Уссуриюшка, ты тут подсуетись, ага. Я скоро. Это где ж ваш пострадавший?

— На косе, должно быть.

— Ага-ага, понял. Сейчас. Доставлю в живом виде, до-оставлю, ратанчика. А вы тут будьте, как дома. А вы, товарищ маёр, вы пройдите к комоду. Там-ка аптечка. Чо надо, там-ка. Берите. Уссуриюшка, подмогни товарищу маёру. Лицо-о, это такой орган. Не стесняйся, ага? — наказывал он майору.

Старик убежал.

Романов, уже успевший разуться на низкой скамеечке у окна, прошёл в шерстяных носках к старому комоду, который находился по другую сторону двери горницы. С него сошло напряжение, беспокойство за своих подчиненных, и он почувствовал, как он устал. В глазах плыли розовые круги, и, что самое неприятное — в желудке начались колики, и отдавать во рту горечью. Он морщился. Но больше от досады и боли на лице: надо же было так изрезаться! Он смотрел на себя в квадратное зеркальце в деревянной рамочке, висевшее над комодом.

Среди многочисленных порезов на лице, на щеке зияла широкая рана. Во рту ощущался вкус крови, он сплёвывал её на лёду, когда бежал. Она скапливалась в полости рта то ли от ушиба, то ли стекло пропоролло щеку насквозь. Майор со сдержанным стоном выдохнул из себя воздух, осматривая рану.

Уссурийка подала Романову комок ваты, пузырёк с йодом и поставила перед зеркалом чашку с тёплой водой. Сказала в лёгком поклоне:

— Товарищ маёр сами помоешь себе лицо или им помось?

— Спасибо. Сам.

Уссурийка вновь поклонилась и бесшумно отошла. Отошла к кухонному столу-тумбе, открыла дверцу и достала из него четверть. В ней была жидкость немного мутноватая. Хозяйка распечатала бутылку, из неё наполнила стакан наполовину. По помещению разлился сивушный запах самогона. У Славика в носу засвербело, и он зачесался. Слава потянул носом и невольно вздохнул вдруг подкативший к горлу комок слюны. Глаза заслезились, настолько неожиданным и приятным оказался этот дух, почти забытый, почти сказочный. Ещё раз потянул дурманящий запах, и чихнул. О, язви его...

Уссурийка поставила на комод стакан с антибактерицидным средством, и сказала:

— Вам, товарищ маёр помось обработать лиса?

— Спасибо, я сам, — поблагодарил Романов, при этом с признательностью кивнул.

Китайка с поклоном тихо удалилась, не поднимая глаз.

Командир обрабатывал лицо. Правая сторона, начиная от височной части до скулы, была в больших и мелких царапинах и порезах. В середине же щеки — рана была глубокой, содранная кожа завернулась книзу. Помочив ватку в стакане, он, сжав зубы от боли, обработал рану и приложил к ней содранную кожу. Другим кусочком сухой ваты прикрыл рану. Затем обработал и порезы, царапины. После этого попросил хозяйку прибинтовать ватные тампоны бинтом.

Романова тронула забота женщины, её предупредительность и внимательность. И он, глядя в зеркало, видел в нём не только своё обезображенное лицо, но и хозяйку. Наблюдал за ней, за её мягкими и тихими передвижениями, за тем, как она общалась с его солдатами, и невольно восхищался: насколько уважительное отношение к гостю, к человеку, воспитано в китайке, хотелось верить, что это национальная черта и она присуща всему её народу.

Наверное, от неё, от китайночки, и у Щукаря выработались такие же качества — доброжелательность и добродушие. Недаром говорят: с кем поведешься... К тому же Уссурийка была красива и по русским меркам, и по необычной диковатой азиатской красоте. Теперь понятно состояние иртышского казака в прошлом, который ради этой красавицы оставил свой край родной, оказавшись на берегу Уссури в военное лихолетье. Прошёл войну благополучно, а здесь оказался раненным в самое сердце. Прожил на Уссури двадцать лет, отдав свою жизнь любимой женщине, посвятив ей себя, подчинив свой нрав и характер, не оторвав её от исконных корней, от родины, на которой она могла бывать в недавнем прошлом, встречаться с близкими. Каково-то ей будет теперь?..

В одно из предыдущих своих посещений майор предупредил их, Щукаря и Уссурийку, о невозможности пересечения ими границы. Уссурийка выслушала его с покорным вниманием, согласно кивая. Отчего Романов и тогда и теперь испытывал перед ней неловкость. Но иначе поступить не мог. Не он был в том виноват. Он предупредил их не только из соображений целостности государственной границы, но из соображения их личной безопасности — к русским и «обрусевшим» китайцам там, за границей, стали относиться крайне неуважительно, и от раздурившихся молодчиков всего можно было ожидать.

Майор понял трубку телефона, набрал номер.

— Пелевин, срочно поднимайте Киняпина. Заводит машину и пробивается на Новосоветское к Щукарю. В кузов набросайте побольше сена, полушубков, две пары валенок с портянками.

— Есть! Что-то случилось? — тревожно спросил дежурный.

— Да. Мы провалились под лёд. Все живы. Но передайте Валентине Николаевне, чтобы была готова со своей амбулаторией.

— Есть.

— Выполняйте. — Майор положил трубку.

7

Когда вернулся Щукарь с тремя пограничниками, в доме стоял пьянящий сивушный запах. Казалось — тут самогон тётк рекой. На столе стояла четверть, почти на одну треть опорожненная. На лавке лежал в одних трусах Бабуля, и майор Романов натирал его первачом.

Романову на голову была наложена повязка, прибинтован тампон на щеку.

Моренов уже находился на печи и выглядывал из-под шуб. Он обрадовался, увидев Потапова. Дохромал! Они перемигнулись. Вошли Триполи, Прокопенко и встали у порога. За ними вкатился Щукарь.

— Чо встали? Чо встали? Ну-кась разбувайтесь, разбувайтесь. Ну-кась, — затараторил он. — Ратанчику помогите, — засуетился он около Потапова. Помог ему допрыгать до скамеечки у печи, усадил.

Славка, приседая, вытянул больную ногу, колено горело огнем.

Перед ним присела на оба колена хозяйка, стала помогать разуваться. Славка морщился от боли в ноге, но терпел. И от неловкости перед женщиной краснел.

— Терпите, терпите, пожалиста, — мягко приговаривала она с едва уловимым акцентом.

Уссурийка сняла с него валенки вместе с носками, и на пол встали красные ступни. Славка пошевелил пальцами и, наклонясь, стал греть их руками.

— Ты, ратанчик, как же так, без портянок-то? Ноги-т проморозил? — спрашивал старик, снимая с припечка шерстяные носки. — Накось, набуй мои носочки. Походи в них, отогрей пальчики. Поди, как щиплет, а? — с сочувствием приговаривал он.

У Славки, действительно, ноги замерзли. Валенки он надел, уезжая с заставы, толком не высушенные, после вчерашнего возвращения с Хора. И, похоже, в суматохе у полыньи он всё же наступил в воду. А его портянки, как и портянки Коли Прокопенко, пришли вперёд него, и уже сушились на бельевой веревочки у печи. А так как он шёл из-за больной ноги медленно, ноги замёрзли, и замёрз сам. Если бы не полушубок майора и не его шапка — быть бы ему не лучше Юркиного полушубка, который поставил Коля у порога. Сейчас ступни ног отходили, и на глаза от острых покалываний в них накатывались слезы — хоть плачь!

Майор, подойдя к Потапову, сказал:

— Снимите брюки, посмотрим, что с ногой.

Славка смущенно посмотрел на хозяйку. Та поняла и отошла к плите, где варилась картошка, и, открыв крышку на чугуне, тонкой палочкой наколола пару штук — готова. Плита была встроена в русскую печь, и топилась дровами.

Потапов приподнялся на одной ноге и, расстегнув ремень на галифе, спустил их и кальсоны, оставшись в трусах. А присев, опустил их под голени, и перед взором возникла тёмно-розовая опухоль.

Коленная чашечка была смещена. Романов положил одну руку на колено, а другой стал сгибать ногу. Рядовой морщился, но терпел. Тёплая ладонь, казалось, снимала жар, но шевеление ноги приносила боль. Майор выпрямил ногу, погладил коленную чашечку, и слегка подал её вверх. В Славкиных глазах промелькнули искры, но в ноге что-то приятно хрустнуло. И боль сошла вместе с тихим возгласом.

— Ну как, легче? — спросил Романов.

— Кажется... — выдал ломаную улыбку солдат.

— Погодите, не одевайтесь.

Прокопенко, разувшись, тоже оказался босиком. Но ноги у него не были красными. Однако дед подал и ему свои обрезанные валенки, стоявшие у печи на полу.

— Накось, набуй-ка мои чуньки.

Приятное, нежное тепло обволокло ступни.

Хозяин, дав несколько мелких, в общем-то, ничего незначащих распоряжений. Жене — касающиеся стола, на котором уже стоял ужин: чашка с квашеной капустой, балык, кетовая икра в миске, хлеб. Кроме картошки, которую в «мундирах» хозяйка на скорую руку доварила в чугуне. Майору — не жалеть растирки; солдатам — быть как дома, не стесняться, — убежал на улицу распрягать лошадь.

Майор, смочив пук ваты в стакане с самогоном, из которого пользовался сам при обработке своих порезов, прихватив бинт, вернулся к Потапову.

— На время привяжем компресс, — приложил вату к колену, стал прибинтовывать. Потапова передернуло от холодного тампона.

— Хм, на такое дело первак портить, — с насмешливым сожалением проговорил Слава.

— А вы что предлагаете, Урченко?

— Дак мочой и достаточно. Мы так всегда делаем в деревне. Очень хорошо помогает при ушибах. Что переводить добро...

— Я тебе, тезка, предоставлю такой случай, всю голову будешь этим дерьмом лечить, — в сердцах выдохнул Потапов.

Морёнов и Бабенков порхнули на печке. Майор и солдаты на лавке усмехнулись.

— А я-то причём?

— Чтобы в следующий раз топором себе башку рихтовал. Мерин.

У Славика от обиды задергалась нижняя губа.

— Товарищи, пограничники, — повысил голос майор, — не забывайтесь.

За окном день уже угасал. Солнышко, на прощанье выйдя из серой хмари, краем зацепившись за горизонт, послало прощальный луч, и он, проникнув в угловую фрамугу окна, освещал кухню. На этом день кончился.

Понемногу успокоившись, расселись вокруг стола, притихли. Никто не приступал к еде. Ждали хозяина. Он же, о чём-то балабоня с лошадьё, с собакой во дворе, чего-то медлил, нагоняя и без того разыгравшийся аппетит после нервных переживаний. И даже Морёнов и Бабенков, лежащие на печи под тулупами, вожаденно взглатывали слюнки. Дразнили домашние запахи и дурманящий дух самогона. Искушение нарастало.

Морёнов наблюдал за хозяйкой. Женщин-китайнок он ещё не видел в русских семьях, на хозяйстве, полагал, что у них всё не так, не «по-русски». Однако приходил к мнению, ничего особенного: в тех же семейных традициях, с тем же укладом, при той же одежде. Единственное, что бросалось в глаза — это её поведение, — она ходила по дому быстро, но бесшумно, если к кому-то обращалась, то с поклоном, если что-то делала, то мягко, без стука. Она никому не досаждала и в то же время успевала всем оказать внимание. Она была в конкретном месте и в то же время как будто бы везде. От неё исходила какая-то аура тепла и заботы, и она как бы обвораживала. От женщины веяло чем-то родным, что Юрий всегда испытывал на себе дома и от этого чувствовал себя здесь уютно.

Может быть, это чувство возникло оттого, что соскучился по семейному уюту, по дому, по матери...

И ещё. Это касалось уже жилища: в нём не было ничего такого, что бы назойливо бросалось в глаза и напоминало посетителю о том, что это дом китайки, с многочисленными в нём статуэтками, бумажными дракончиками, шкатулками, исполненными под буддийские храмы, и прочие памятные вещицы. Возможно там, внутри дома, в горнице и есть что-то, но в прихожей, совмещенной с кухней, нет.

Лишь одна, пожалуй, особенность была, и то она касалась обоих жителей дома, как бы подчеркивая их инородность и в то же время их духовную общность — это два портрета: Сталина и Мао Дзе-дуна. Они висели на одной стене, между двумя окнами и в рамочках, самодельных, покрашенные в белую краску. Икон и прочих религиозных предметов не было, в отличие от русских деревенских домов.

Наконец, дед вкатился в дом вместе с морозными клубами.

— Во! Во, красота! Мороз-то, однако, крепчает, а? — говорил он, словно продолжал разговор, начатый ещё с домашними животными на дворе.

Дед снял с себя старую солдатскую шапку, нахлобучил её на деревянный штырь, вбитый в бревно на стене и служивший вместо вешалки. Сдернул с себя полушубок.

— Если так будет морозить, то нам с тобой, Уссуриюшка, дровишек-то не хватит, хе-хе-хе, — чему-то хохотнул. — Пойдём по сугробам тепло добывать, изгороди разбирать.

— Хозяин, не волнуйтесь, — сказал майор. — Дрова вам будут.

Майор Романов поднялся с лавки и прошёл к телефонному аппарату, чёрному, тяжёлому, стоящему на комод. Снял трубку и стал набирать номер.

По-мужски он был красив, лет сорока пяти, строен, среднего роста, однако, сухощавость и желтизна, наблюдательному человеку выдавали его недуг, который лет пятнадцать назад лёг поперёк его дороги в академию: для учебы язва желудка не пригодна, для службы — в самый раз. Притом в таких местах, где для неё самые благоприятные условия, вдали от поликлиник, больниц и санаториев.

Правда, тут судьба его пощадила — послала в жены терапевта. Благодаря такому счастливому совпадению, бывший курсант Алма-атинского высшего пограничного училища смог дослужиться до майора и не быть комиссованным. А бывшей студентке — не потерять квалификацию, имея при себе постоянного пациента (да ещё десятка три-четыре, а то и шесть,

военнослужащих на заставах, куда направляла служба её благоверного). Теперь по прибытии пострадавших солдат на заставу ей, похоже, придётся продолжить практику и, как всегда благотворительно — больные на заставах не предусматривались, следовательно, и врачи. Все солдаты из стекла и металла.

— Дежурный по заставе, старший сержант Пелевин у аппарата, — услышал майор знакомый голос.

— Это майор Романов, Пелевин.

— Слушаю вас, товарищ майор.

— Киняпин уехал?

— Так точно, товарищ майор.

— Пелевин, вы не торопитесь с ответом. Пошлите кого-нибудь в гараж. Если Киняпин ещё не уехал, нагрузите в машину дрова и как можно больше.

— Слушаю. Товарищ майор, тут ваша жена.

— Дайте ей трубку. И пока я буду с ней разговаривать, выполняйте приказание.

— Есть! — ответил старший сержант.

В трубке послышался встревоженный голос жены.

— Юра, что случилось? Мне позвонил дежурный. Передал твою просьбу.

— Да, Валюша, приготовь всё необходимое. Похоже, будет тебе работа.

— Так что случилось?

— Машина под лед провалилась. Двое вымокли, одному ногу повредило. Ну и мне немножко досталось, — и, упреждая её возрастающее беспокойство, добавил: — Сильно не волнуйся. Но будь готова. Мы скоро.

Майор положил трубку.

Сидевшие вокруг стола солдаты одобрительно заулыбались, выражая удовлетворение действиям командира.

Щукарь же стоял посередине кухни и прихлопывал руками по бёдрам. Твердил растроганно:

— Товарищ маёр... Ах, товарищ маёр... Да как же... Да надо же ж... Я ж не думал, с языка скатилось...

— Ну, так не говори им много. Пригласай гостя к столу, пожалиста, — перебила его жена мягко.

— Ай, да! Чего ж это вы, товарищ маёр? Проходите, проходите. Садитесь к столу. Уссуричка, где там-ка стопки да стаканчики? — засуетился дед, направляясь к висевшему на стене ящику, служившим посудным шкафчиком. — Вот те, Господи, людей ненароком обеспокоил. Вот надо ж, а? — приговаривал в явном смущении, отодвигая шторы и снимая с полочек всё, из чего можно пить: стаканы, стопки, фарфоровые кружечки тонкой китайской работы, и накладывал себе на руку, согнутую в локте.

Хозяйка сваренную картошку вытряхнула из чугуна в большую эмалированную миску и поставила её на середину стола. Поскольку на такое количество едоков посуды не хватало — тарелок и блюдец, — она сказала, извиняясь:

— Простите, пожалиста. Кому вилок не хватает, кушайте прямо с миски рукой.

Дед, разливая самогон по разнокалиберным емкостям, поддакивал жене:

— Картошечка, капусточка, огурчики, балычок, икорочка. А вот, по солдатским, по сто грамм... — Первый стакан подал майору. — Это вам, товарищ маёр. Отведайте! Эта на медку настойка. Пользительная, очень...

Следом за стаканом майора, он стал расставлять посуду с содержимым перед солдатами. Те, молча, следили за его действиями и украдкой посматривали на командира, подкашливали, взглатывая слюнки.

Старик налил себе и жене, которая тоже присела за уголок стола, скромно, поодаль.

Бабенков заворочался, обиженно засопел, потом дважды кашлянул, как бы напоминая присутствующим о своём существовании. Шепнул Юрию:

— А мы с тобой пролетаем, как фанера над Парижем.

Юрия начинал охватывать озноб. Он, как только пришли Потапов, Триполи, зарылся под шубу и был в полусонном забытии, следил за происходящим слабо. Но заметил:

— А шоферам не положено.

— Ай! Я ж не за рулем!

Щукарь поднял чайную чашечку и весёлым ласковым взглядом обвёл застолье, редкое за многие годы и многолюдное. Он был рад ему. Но все сидели, ни к чему не прикасаясь.

— Товарищ маёр, прошу. Отведайте моей лечебной. Страсть как помогает от простуды, язвы и прочей халерии.

Майор скептически усмехнулся.

— От язвы?.. — спросил он.

— И от язвы, язвы ее. Кхе-кхе... Ребятки, а вы чево? А?.. Не побрезгуйте, ратанчики... Вы вон чево седня натерпелись. Вам это дело, само дело. Товарищ маёр?..

Солдаты смотрели на старика, как на Господа Бога — столь велико было искушение. Домашняя обстановка, нехитрое угощение на скорую и заботливую руку, вино и пережитые волнения, — всё сейчас просило утолить жажду. И, наверное, оттого, тишина, воцарившаяся над столом, казалась звенящей. И её могло осадить только одно слово — разрешаю! Не может быть, чтобы прозвучало обратное. В том просто не было бы логики.

Урченко сдержанно сопел, раздувал ноздри. Прокопенко, наклонившись на стол, ногтем мизинца чертил на нём какие-то узоры. Триполи нахмуренно молчал. Потапов мстительно усмехался, глядя на своего тёзку, и тоже взглатывал слюнки, но эти импульсы были повторением движения острого кадыка на круглой шее Урченко. Все ждали слово майора.

Романов поднял свой стакан, посмотрел на свет — янтарный, медовый цвет в нём, — поднёс к носу и легонько потянул в себя запах. Слегка покачал удовлетворенно головой.

— Да-а, приятный запах...

— А вы испейте, — сказал Щукарь, — пригубите.

— К сожалению, мне нельзя. — Майор поставил стакан обратно на стол.

У солдат поникли головы.

Бабуля злорадно шепнул Морёнову:

— Ха! Им тоже обломилось.

Юрий промолчал. Глаза его были прикрыты, и уголки их слезились.

— Эй! Ты чего, спишь что ли?

Морёнов вышел из забытия, им начала одолевать сонливость, голова наполнялась тяжестью.

— Чего тебе? — буркнул он и подкашлял, в горле першило, его перехватывало сухим кольцом.

— Я говорю, они тоже пролетели.

— Ну... и что?

— Да ты что?! Не хочешь выпить?

Юрий хотел что-то ответить, но лень было разговаривать. Он накинул шубу на голову, пытаясь на тёплой печи отогреться.

Майор отодвинул стакан и сказал:

— Мне нельзя, к сожалению... Ну, а солдаты пусть выпьют.

— Вот и правильно! Сто граммов наркомовских, для поднятия духа бойцу не повредит... — поддержал Щукарь.

Пограничники оживились, облегченно выдохнули.

Урченко подхватил со стола стопку, а с чашки огурец, готовясь принять самогон и закутить обстоятельно, с сознанием дела. Глаза его увлажнились, складки от козелка уха до выступа скулы порозовели. В готовности он вытянул квадратный подбородок вперёд. Прокопенко, Триполи потянулись за чашками, Потапов за стаканом. Несмотря на разность емкостей, во все сосуды старик налил поровну, по булькам, в этом Щукарь, похоже, ещё был точен.

— Урченко, возьмите мой стакан и свою стопку, огурец, и подайте на печь. Или как, Бабенков, может, сюда спуститесь?

Слава от неожиданности поперхнулся слюной и закашлялся. Ребята засмеялись. Но он поднялся со скамьи.

Бабенкову дважды приглашение повторять не пришлось, он с проворством белки скатился вниз и присел к столу в длинных трусах и в майке.

— Отнесите Морёнову, Урченко, — повторил Романов.

— Есть, товарищ майор.

Слава не обиделся на то, что майор ему перебил аппетит. Он задавил обиду, испытывая за собой вину, и теперь, наоборот, хотелось искупить её, и этот приказ воспринял, как должное, с подобострастием.

Слава нёс в руках стакан и огурец. Шёл, высоко поднимая ноги в коленях, как журавль. Он и на занятиях по строевой, когда старался, маршировал так же. Все смотрели ему вслед, улыбаясь.

Славик же продолжал шествие с таким достоинством, словно выполнял задание невесть какой важности, жертвуя во имя него собственной сладкой минуткой.

Морёнов лежал, накрывшись шубой с головой, словно прятался. Он впадал в сон, липкий, туманный, и то, что происходило у стола, уже не отслеживал.

Урченко толкнул его сквозь шубу раз, другой. Юрий выглянул из-под полы, уставился на Славу покрасневшими, слезящимися глазами.

— Чего тебе? — охрипшим голосом проговорил он.

— Принимай! Подъёмные получили.

— Отстань.

— Да ты чо?.. — изумился Слава и зашипел: — Пей, не дурачься. Товарищ майор приказали. Ну!

Юрий затрясся всем телом, словно встряхивал с себя шугу, прилипшую в полынье. Его морозило. Неохотно сказал:

— Ну давай... Может, согреюсь. Брр...

Он поднялся на локоть, взял стакан. Сделал из него небольшой глоток, другой и поперхнулся, перехватило горло. Попытался третьим глотком протолкнуть тромб, но задохнулся ещё больше, закашлялся. Сунул стакан обратно в растопыренную пятерню Урченко.

Слава с презрением бывалого прогудел:

— Ну-у, питок, — протянул огурец. — Нá, закуси.

«Питок», не зная, как погасить накатившийся кашель, спирающий дыхание, избавиться от горечи и огня, обжигающего весь рот, горло, выхватил из рук Славы огурец и жадно откусил. Из глаз его текли слезы.

Урченко расхохотался.

— Ха-ха!.. Наберут шпанят в армию, пить и то не могут, — он возвращался к столу со стаканом, в котором осталось более половины от той порции, что была в нём прежде.

— А что... не пошла чего-то, — простонал Юрка, оправдываясь и откашливаясь.

— А не пошла и не надо, — вставил Щукарь с добродушным оживлением. — Мало ли? Бывает, что и на молоке поперхнешся. Это, ратанчик, первая. Первая, она всегда колом. Вторая — соколом. А третья — пташечкой. А?

— Это точно, дед, — поддакнул Урченко, переходя на снисходительный тон, будто попал не в гости, а зашел к куму на табачок. — Это попервости так. Подрстет — научится.

Потапов порхнул от смешка. Триполи кивнул утвердительно, закусывая капустой.

Майор с насмешкой посмотрел на Урченко, накладывая ложкой на кусочек хлеба красную икру.

8

Морёнов, нырнув под шубу, там продолжал кашлять и грызть огурец. От кашля больно отдавалось в висках, в ушах. Он испытывал голод и, когда влезал на печь, был не прочь поесть. Но время то прошло, аппетит пропал, навалилась какая-то хандра, она сейчас давила и клонила в сон. И он бы давно уснул, если бы не Бабенков, чего-то тот ворочался, толкался. Потом озноб, и вот теперь эта выпивка.

Нужна она была! Век бы её не видеть. Зачем только согласился? Хотелось согреться или не хотелось показаться мальчиком?.. Хм, ерунда какая. Кому какое дело, пьёт человек или за ворот льёт? Может быть, он по состоянию здоровья не пьёт, вот. Ведь не курят же по состоянию здоровья, или, предположим, он падучей болезнью страдает, а?.. А-а, вот то-то. И вообще, Славка, ты гофрированный. У тебя все извилины снаружи, а не в башке. И вообще Славик, ты...

Хмель быстро овладевал ослабленным организмом, обволакивал сознание, мысли, и вскоре Юрий забылся в тяжелом и бредовом сне. Он не помнил, как его снимали с печи, как одевали, как вели к машине Киняпина. Иногда в нём вспыхивали проблески сознания. Тогда он непонимающе оглядывался на товарищей, старался понять, что происходит, виновато улыбался и спрашивал:

— Я что, правда, пьяный, да? Но я же не пью... — и забывался.

Однако он всё-таки уловил: его за его состояние никто не осуждал и не подсмеивался над ним, почему-то не подтрунивали. Тот же Гофрированный. А ратаны любят посмеяться. Уж им-то палец в рот не клади, — это его всегда смущало. Ну не умеет он выпивать. Не у-уме-ет! Так что?.. Но дай срок. Научимся, какие наши годы...

Сено... Откуда сено?.. Аромат, дурманящий и родной... А-а, это он в деревне, он на покосе. А какие птицы там сейчас летают интересные, раньше он их не видывал. Как жар-птицы, с длинными хвостами, только коричневые. И как их странно называют — фазаны.

Запах уносит его всё дальше и дальше, словно он сам становится какой-то маленькой невидимой птицей и плывёт на волнах памяти. Вот он видит себя совсем маленьким, ещё таким, каким не знал. Когда сидел на каменной подушке «галанки» (печи) и сосал мякиш из ржаного хлеба, привязанный ему ко рту — рацион на полдня. В обед мама прибегает с работы и кормит его новым мякишем. Подтапливает печь, укутывает его обратно в пелёнки невесть из чего и усаживает вновь на тёплую печь, на кирпичную подушку. Ему жарко на ней, душно. Однажды, когда мама ушла на работу, он, куражась, стал крутиться и скатился с «подушки» на чугунную плиту. Плита горячая, припекла голову чуть выше виска. Теперь у него на этом месте желтое пятно. Он стал кричать, звать маму, и она услышала. Он видит, как с половины дороги, словно заслышав его младенческий писк, мама бежит обратно.

Жарко!.. Как жарко!.. Мне очень жарко, мама!.. Сними меня с печи. Сорви с меня одежду, тряпки, они такие горячие, они меня расплавят. Мама вбегает в барак, в их квартирку, схватывает его с плиты и, обливаясь слезами, прижимает к себе.

— Сынок!..

А сено на солнце, какое тёплое и духмяное. Они идут с мамой по полям, залитым ярким солнышком, а на лугах стога.

Мама подводит его к копне, сажает в неё.

— Отдохни, сынок, ты устал... — тихо говорит она.

И сама прилегла рядом. Положила себе на ноги его голову и стала потихоньку поглаживать, убаюкивать. А над ними летают птицы, и где-то в вышине журчит жаворонки. И так хорошо, так легко, и он засыпает...

Вот они опять идут по той долгой и такой веселой дороге, как сама жизнь, освещенная присутствием мамы.

— Мама, а я тебя вспомнил. Это ты мне помогла в машине, да?

— Я всегда с тобой. Я тебя всегда слышу.

Она его свет, его существование. Он всегда ощущает её в себе.

— Мама, мама, где ты?! Я к тебе хочу...

— Юра... — Слышит он тихий голос. — Юра...

Он открывает глаза и видит перед собой Валентину Николаевну, жену майора Романова.

9

Когда закончился ужин, и хозяйка убрала со стола, все притихли, блаженно разомлев на лавках. День уже угас. Щукарь включил свет. Лампочка висела под потолком на коротком шнуре без абажура. И потому свет показался ярким, слепящим глаза. Дед шёл за куревом, за собственным самосадом, чтобы угостить им гостей. Вдруг поднялся на скамеечку и заглянул на печь. Слух его не обманул — ратанчик постанывал. Он лежал, раскрасневшись, на лбу высыпали капли пота.

— Товарищ маёр, — негромко позвал дед, — у ратанчика температура... Захворал, кажись, малый?

Когда приехал Киняпин с шубами, сеном и дровами на полмашины, ночь была глубокой. ГАЗ-66 с двумя ведущими мостами едва пробился сквозь сугробы.

Глава 3 «Бактериологическая диверсия»

1

Когда друг становится недругом, от него больше зла, пакости и неприятностей, чем от врага. Даже не обязательно, чтобы в том непременно было его участие. Достаточно, чтобы произошло нечто, что сработало бы не в вашу пользу. Скажем: не вовремя выпал снег, а у вас на полях не убран картофель; или, как некстати, сломалась машина где-нибудь в Уссурийской тайге, вёрст этак за тридцать до пункта вашего назначения; или в деревне (или в городе) вдруг погас электрический свет, а вы проходите в это время мимо столба... И ведь что примечательно, что все эти злонамеренные акты проводятся им, незаметно, априорно, как бы шутя... Да что там «шутя», издевается по всей форме, тихо похихатывая в кулачок. Вот взять хотя бы крушение под лед «бобика» Вовы Бабенкова, в котором, слава Богу, до смерти никто не пострадал. Правда, Морёнов с двухсторонним воспалением легких и с ангиной в острой форме загремел в санчасть погранотряда. Чья тут заслуга? Чьё провидение? Но ведь и на этом не останавливается, друг ситный...

Жена майора Романова, медик по образованию и врач по гражданскому сознанию и клятве Гиппократу, как всегда на добровольных началах, всех пострадавших взяла на своё попечение, благо, что в семейной аптечке имелись медикаменты. Она же рекомендовала начальнику заставы отстранить от службы Бабенкова, пока у того не пройдёт ангина, — что майор безоговорочно принял к исполнению. Бабенков почти неделю находился на вынужденных выходных (тут несомненный плюс). А под конец обрадован был ещё тем, что стал главным действующим лицом в отлове своего друга «бобика» из Уссури, — на заставу прибыли автокран, трайлер и водолаз.

С тем же прилежанием начальник заставы выполнил рекомендации врача и в отношении Потапова. Славикам майор поменял обязанности: Урченко направил фланги мерить, Потапова — на хозблок. Но кому быть воином, тому не быть доярком, скотником. Тем более, что Потапову таких услуг, как обучение столь деликатному делу — доению коров, — никто не предлагал. И коровы выразили протест, то есть подняли рёв на всю границу, протестуя не только против плохого обслуживания, но и содержания, а свиньи готовы были съесть Славку заживо. И съели бы, не сбеги он с хозблока до срока. Куда его тёзка вернулся с важным достоинством.

Так кому тут надо поклониться? Кого благодарить?..

Или вот, совсем кошунственный подвох — заставу закусили вошки.

На заставе был еще один Слава, Вячеслав Ермошин. Внешне ничем не примечательная личность. Такой же, как и все «салажата», первого года службы: немного угловат, в меру застенчив, безотказный и исполнительный. А поскольку все эти качества, как нельзя, кстати, подходили, что называется без примерки, к обязанностям санинструктора, ему в добровольно-приказном порядке и была прикреплена эта должность. И майор не ошибся. В случае с ЧП на Уссури он проявил себя заботливым медбратом и сиделкой. Задатки эскулапа видны даже в манерах.

Пока ожидали с Казакевичевской заставы машину медсанчасти, которая находилась там с инструктивными целями, Ермошин не отходил от Морёнова. После укола больному и выдачи очередной дозы таблеток, в Славины обязанности теперь входило прикладывание мокрой тряпки ко лбу больного и замер температуры. Застава уже спала, разумеется, кроме тех, кому положено служить, а Слава, сидя возле своего подопечного, клевал сонно носом. Но, стоило больному застонать, он тут же спохватывался, смачивал тряпку или хватался за термометр. Его

заботу оценили, и Слава, вместе с прибывшим старшиной медслужбы, был отправлен сопровождать больного.

Ермошин после учебки не был в отряде более полугода. А всякий, кто служит на заставе, по приезде в отряд, испытывает по ней ностальгию, и потому старается смотаться из него обратно, и как можно скорее. Где более вольный распорядок, небольшой и дружный, как семья, коллектив. Где меньше командиров, а больше порядка. Где не надо тянуть ножку и хвататься всякий раз за пуговичку на воротничке, проходя мимо офицера... Это не на заставе.

В отряде же видится только казовая сторона, за нарушение которой можно получить как замечание, так и наряд вне очереди, а то и губу. За ту же расстегнутую пуговичку или за слишком ослабленный поясной ремень; за не почищенные сапоги, да мало ли... Тут от безделья люди страдают, вяжутся к солдатам. А на заставе разве до того? И потому бежать надо из отряда. Бежать!.. И Слава Ермошин готов был сразу, как только сдал Морёнова врачам, вернуться обратно. Да не тут-то было.

В отряде происходили вещи, причина которым — всё тот же «добрый» друг-приятель, от которого покоя не стало ни на границе, ни в отряде. И Ермошину пришлось задержаться в медсанчасти на неопределенный срок.

...В отряде проходило доформирование мангруппы. Вначале эта часть задумывалась небольшим подразделением, как взвод, рота, с соответствующим техническим обеспечением и оснащением. Но политические отношения с Китаем всё более обострялись. Всё чаще на границе стали происходить инциденты и порой небезобидные, доходящие до столкновений, правда, не вооруженных, однако, не безболезненных. Поэтому на базе роты было принято решение создать батальон — маневренную группу.

Месяца три тянулось назначение на должность командира мангруппы, и временно эту должность исполнял старший лейтенант Талецкий. Но явным претендентом был подполковник Андронов, заместитель начальника штаба отряда. Он уже примеривался к будущим обязанностям, частенько заглядывая в казарму, давал, вместе с ЦУ, нагоняй и старшим, и младшим по званию, поскольку характер имел требовательный, порой строгий. У него уже был подготовлен кабинет и всё необходимое для предстоящей работы. Однако зиму, лето, до самой осени командование не торопилось, затягивало с его назначением.

И вот, по первому снежку вопрос решился.

Решился, и настолько неожиданно и непонятно, что кое-кого ввёл в недоумение, а то и в шок. На подполковничью должность в мангруппу занесло даже не майора, или капитана, а — микромайора! — младшего лейтенанта. Андронов, едва не занемог. И, посчитав себя оскорбленным, хотел было, подать рапорт и от обиды, если не уволиться из погранвойск, то перевестись в другой отряд и на любую должность.

Но обиду пережил. Куда деваться? — армия. Тут приказы не обсуждаются, назначения не согласовываются и мнения нижних чинов не учитываются. Иначе говоря: не живи, как хочешь, живи, как прикажут.

Как последний лист листопада, холодным ветром в отряд занесло младшего лейтенанта Трошина. Кого-то он заинтересовал красотой и статью, а кого-то не соответствием звания с должностью, звания с образованием. Ему было под сорок лет, а в такие годы люди дослуживаются до майоров, а то и выше. Тут же — микромайор. И вот этого микромайора предпочли подполковнику! Это был нокаут. Ну не злой ли рок?..

А командир мангруппы развернулся. Всё поставил с головы на ноги. Собрал со всех подразделений: с хозвзвода, инженерно-технической роты, с комендантского взвода, со столовой, с санчасти, — своих солдат и сержантов, разбазаренных по доброте душевной подполковником, и приступил к серьёзным плановым занятиям в подразделении.

И Слава Ермошин как раз попал под эту метлу, и в тот момент, когда в санчасти отсутствовал санитарный персонал, по причине учебных мероприятий. И ещё потому, что каждый

командир рад воспользоваться чужой рабсилой, тем более — залётной. Славу тут же пристроили к санчасти, где он продолжил повышение квалификации по части медицинского обслуживания госпитализируемых и методам санитарной обработки помещений.

Только через две недели, по настоянию майора Романова, при содействии начальника штаба майора Родькина, Ермошина удалось вызволить из отряда.

Несмотря на суету и бестолковость в мангруппе (как казалось Славе), он с гордостью осознал то, что миссию свою он выполнил с достоинством — дождался, когда прошёл кризис у Морёнова.

— Теперь солдат выкарабкается... — сказал главврач.

Будет что доложиться на заставе.

И были в отряде ещё два приятных момента. Первый, он увидел в солдатском клубе художественный фильм «Щит и меч». Посмотрел его с удовольствием, поскольку уже на заставе прочёл роман В. Кожевникова с одноименным с кинофильмом названием.

И второй — побывал в городской бане. Куда ходил с мангруппой строем: с полотенцем, с мылом, мочалкой под мышкой и с бодрой песней на устах. Может быть, о бане долго бы и не помнилось, прошло бы как рядовое событие, но после деревянной, тесной, заставской, городская была, конечно же, шикарным заведением. Особенно для паренька, до армии не знавшего ни городских парков, ни многолюдных бань.

Светлые залы, каменные скамьи, вода из кранов, и парилка... Правда, попариться не удалось из-за отсутствия веников, но погрелся, спасибо и на том. Слава, разомлевший, распаренный, выйдя из парилки, плюхнулся на каменную скамейку и прилип к ней в блаженстве. Нет, есть что-то особенное в цивилизации, есть...

2

Многое в жизни для молодых людей является открытием: непонятное становится понятным, запретное — доступным, скрытое — увиденным. Порой простые вещи вдруг постигаешь с таким изумлением, словно они из другого мира, откуда-то из-за границы.

После возвращения Ермошина, на заставе начались представления. На пограничников напал зуд. И зуд не кожный, не лишайный, и не на открытых местах, где можно было бы без стеснения почесать, а при остром желании — поцарапать, а там зудилось, куда не всякий раз сунешь руку, и только через карманы. А руки в карманах — нарушение устава. И первым же нарушителем его стал сам Славик.

Но вскоре неуставное поведение перешло к его соседу по второму ярусу. Чуть позже — на двух годков (солдат второго года службы), спавших под ними на первом ярусе. Потом на «стариков». Так эпидемия неуставного хождения по заставе распространилась на добрую треть личного состава. Ходьба по казарме и служебным помещениям, держа руки в карманах галифе, стала если не модной, то примером, достойный подражания. И ему подражали, и с каждым днём всё больше и больше пограничников. Встречаясь друг с другом, общаясь, каждый из воинов мог продемонстрировать свою страстную приверженность к карманному этикету.

Слава Ермошин был шокирован, обнаружив на себе гнусную живность — паховую вошь. Мальчик-пайнык, безгрешная душа — и вдруг такое! Он напугался, застеснялся и замкнулся. Но не сдался.

Всякий, кто делал неожиданное открытие, всегда вставал перед вопросом: что с ним делать (с открытием)? Как с ним поступить? На что его направить? В данном случае — как с ним справиться или избавиться? Но горе тем, кто в тех открытиях случайный человек, к тому же — дилетант. Ермошин был в этом вопросе полное тому соответствие. Поэтому все попытки, что Слава предпринял для избавления себя от злой и гнусной твари, ни к чему не привели. Да и попытки эти были древними, как мир, известными ещё с незапамятных времен — как ловля

блех. За что, как в отместку, эти безмозглые твари, казалось, кусали ещё сильнее, издевались над своей жертвой со сладострастием вампиров.

Размножаясь, они не знали границ приличия и невидимыми путями, как бы резвясь и играя на просторах солдатского общежития, скакали по нему, вживались в человеческие тела, в молодые и упругие, в которых пульсирует кровь и, похоже, с молоком. Отчего жизнь на заставе становилась всё веселей и занимательней. Не-ет, на такую шутку способен только закадычный друг.

Самоотверженных ребят, наподобие Славы Ермошина, кто решился самостоятельно вступить в единоборство с этой живностью, на заставе был — каждый третий. Они так же, как и Слава, отважно старались вылавливать этих диверсантов в дебрях мелкоколосья, вычесывать, давить. Но не тут-то было. Не та гвардия! В одиночку не возьмешь. И ратаны стали объединяться.

...В два часа ночи с пограничного наряда вернулись Леша Щёдский и Серёжа Сарванов. В коридоре заставы они застали довольно необычную картину. В полумраке дежурный по заставе, ефрейтор Миролич, стоял с зажженной паяльной лампой в руках. Триполи находился перед ним, своим земляком, тоже молдаванином, с опущенными кальсонами до колен. Он был в сапогах, они и удерживали кальсоны.

Миролич, наклоняясь, легкими касаниями пламени осматривал на его теле волос, кудрявые заросли от низа живота едва ли не до колен, и выжигал всё то, что в нём паслось. Особо ценное Михаил прикрывал руками. По коридору распространился чад бензина и запах палёного волоса. Процедура деликатная, требующая ювелирной точности.

Может быть, столь необычный процесс выведения насекомых так бы и продолжался в отработанном режиме, при ночной тишине и покое, но в дверях появился наряд. Технология опаливания шерсти на живом организме человека нарушилась. Миролич, обернувшись на дверь, дернул руками, в которых держал лампу. В ту же секунду раздался дикий вопль «Тарзана», и Триполи, с проворством своего древнего предка, оказался на турнике, что был вмонтирован между стенами коридора.

Пограничный наряд, ребят не хлипких и не робких, словно подрубили или от неожиданного удара в солнечное сплетение (под дых), переломило пополам, и они по косякам двери сползли на пол.

На крик из спального помещения, названного моряками речной флотилии, служившими при заставе на «утюге» — кубриком, — выскочили взъерошенные со сна пограничники и отретировано метнулись к ружьёвкам, как при команде «к бою!» или «в ружье!» Но Миролич, встав на их пути и размахивая горячей лампой, кричал:

— Отставит! Всем отбой!

Пограничники, кто в трусах и в майках, кто в кальсонах, недоуменно сгрудились перед ним.

— Всем отбой! Не был команда «в ружо»! Нет нарушения, нет и команда «к бою»!..

На него, на паяльную лампу в его руке, на голый волосатый зад, свисающий с турника, смотрели во все глаза.

Валера Богомазов спросил, кивнув на турник:

— А этот что там делает?

— Он выходной. Он может, где хочет нахадица.

Триполи спрыгнул с турника и стал натягивать кальсоны. Сердито глядя перед собой, негромко ворчал:

— Скатины, совсем зажралы... Волчары...

И только теперь до пограничников стал доходить весь смысл происходящего. Полумрак, мерцающий в нём огонь паяльной лампы, волосатый от колен до спины зад, и ворчание молдаванина на молдавском и на русском языках, похожее на нелепое оправдание. И страдающий

от смеха у входной двери наряд — всё это, как детонатор к взрывателю, вызвало раскат хохота. И если до этого кто-то не проснулся ещё от крика Триполи, то от рокочущих накатов, сотрясающих заставу, вскочил, как от взрыва.

Триполи был сильно уязвлен: и самолюбием, и пламенем. Ему одному из всех было не до смеха. Он ходил по заставе и ворчал:

— Ху-у, пакост бешана. Ху-у, худбин голодная...

Щёдский, сдавая дежурному автомат АКМ, подсумок с магазинами, штык-нож, услышав его ворчание, засмеялся.

— Что ты, Миша, вполне симпатичная публика. Ласкают до щекотки, покусывают до экстаза.

— Узнать бы, кто нам эту симпатишну публику суда запустил? — говорил Триполи, оттягивая спереди галифе с кальсонами и, пытаясь в недрах разглядеть не то обожженное место, не то отдельных представителей выше названного сообщества.

Серёжа Сарванов сказал вполне определенно:

— Бактериологическая диверсия, — и кивнул в сторону границы. — Наши лучшие друзья запустили.

— Маленьких таких цзаофанчиков, — добавил Лёша.

— Ху-у, пакост! — воскликнул Михаил и с остервенением зачесал под мышками.

Ребята рассмеялись.

— Смехуёчка вам, — чуть ли не плача выговаривал он.

А невольный носитель «бактериологического оружия», вернувшись с ночного представления, лежал под одеялом, чесался и плакал. Он был, в общем-то, парень не робкого десятка, когда дело касалось себе подобных, но перед такой шпаной — сдался. Понял, что против неё нет у него приёма. И, отбросив застенчивость — собачья жизнь принудила! — был полон решимости, сдаваться. Сдаться на милость начальника заставы. Иначе эти диверсанты совсем заедят, а такой финал его добропорядочная натура принять не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.